

ОБ ОДНОМ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЗАМЫСЛЕ ТИМОФЕЯ МАЛЬГИНА *

Сообщение М. П. Лепехина

В конце XVIII в. имя Тимофея Семеновича Мальгина (1752—1819), плодовитого литератора и составителя краткого общедоступного учебника российской истории — выдержавшего за короткое время три издания «Зерцала российских государей», пользовалось широкой известностью. Как книгой во всех отношениях полезной, «Зерцалом» награждались по выпуске студенты и кадеты, сам же автор получил за него высочайшую награду (золотую табакерку с бриллиантами). Но уже в 1810-х годах Мальгин, обладавший меньшим изяществом слога, чем Н. М. Карамзин, и более доверчиво относившийся к историческим преданиям, чем М. Т. Каченовский, был основательно забыт и умер в полной нищете. Между тем произведения и судьба этого самоотверженного и любознательного труженика, одного из немногих профессиональных литераторов того времени, жившего исключительно плодами своего пера, заслуживают внимания и представляют интерес. Единственную попытку собрать биографические сведения о Мальгине предпринял лишь М. И. Сухомлинов при сборе материалов по истории Российской Академии.¹ В дальнейшем же имя Мальгина прочно выпало из истории отечественной словесности конца XVIII—начала XIX в.

1

Сын псковского дьячка, по окончании местной семинарии отправленный как один из наиболее способных учеников в гимназию Академии наук, Мальгин в 1768 г. совместно со своим одно-

* Пользуюсь случаем принести благодарность В. В. Базанову, К. Н. Григорьяну и Н. Д. Кочетковой за помощь при подготовке рукописи к печати.

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1888, вып. 5, с. 27—59, 311—317.

кашником Н. Я. Озерецковским был приглашен И. И. Лепехин участвовать в его экспедиции. Вплоть до 1773 г. Мальгин странствовал по России, совершив со своим учителем все три экспедиции — Оренбургскую, Северную и Лифляндскую.² Цени способности Мальгина, Лепехин поручал ему самостоятельные путешествия по радиальным маршрутам: весной 1771 г., «чтобы не упустить первейших растений», Мальгин поехал «на Уральский хребет собирать травы»,³ а в марте 1772 г. он отправился из Архангельска в Пустозерск,⁴ что было крайне нелегким делом. За проявленное усердие его жалованье, первоначально равнявшееся 72 рублям в год,⁵ к концу экспедиции было увеличено вдвое по специальному представлению Лепехина.⁶ Сразу же по возвращении Академия наук направила экспедицию Лепехина в прежнем составе для осмотра новоприсоединенных к России областей на территории современной Белоруссии; особое значение уделялось осмотру древних рукописей и книг, хранящихся в монастырских библиотеках; Мальгин самостоятельно исследовал верховья Други.⁷

Сдав по завершении работы в экспедиции экзамен по естественной истории и химии,⁸ Мальгин не пожелал остаться при Академии наук, решив избрать себе иной род деятельности, вследствие чего конференция 1774 г. постановила: «За понесенные им в бытность его в экспедиции труды и нужды, дабы он чрез то мог удобнее приискать себе место в другой команде, то уволить его от академической службы, переименовав его <...> переводчиком»; также было повелено выплатить ему двухмесячное жалованье.⁹

О служебной деятельности Мальгина после его увольнения из Академии наук у нас нет точных сведений. Попытки его получить место переводчика в Сенате увенчались успехом лишь после подачи прошения на высочайшее имя;¹⁰ в 1775—1778 гг. он был коллежским протоколистом, а в 1779—1780 гг. — губернским секретарем; около 1785 г. Мальгин вышел в отставку в чине коллежского асессора.¹¹ Еще до увольнения из Академии

² См.: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1940, с. 101.

³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 30, ед. хр. 9, л. 59.

⁴ См.: Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965, с. 36—37.

⁵ См.: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... , с. 96.

⁶ См.: Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин, с. 25.

⁷ См.: Таранович В. П. Экспедиция академика И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. — В кн.: Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935, вып. 5, с. 545—568.

⁸ См.: Протоколы заседаний конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1900, т. III, с. 115—117, 121.

⁹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 587, л. 590, 594—604.

¹⁰ Там же, ед. хр. 588, л. 236.

¹¹ Сведения о том, что Мальгин имел чин статского советника (см.: Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889, с. 161 — в статье о Дарье и Марии Мальгиных) ошибочны.

наук Мальгин принимал некоторое участие в деятельности Вольного экономического общества;¹² известен написанный им по совету Лепехина труд «О малороссийском табачном произрастании».¹³

С пачала 1770-х годов Мальгин участвует в работе Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, переведя по его заказу с французского «Историю о переменах Неаполитанского королевства в 1647—1648 годах, сочиненную девицею Лусанною» (СПб., 1775—1780, т. 1—4; авторство Никола Бодо де Жюйи тогда еще известно не было), которая была издана Собранием тиражом 300 экземпляров.¹⁴ В дальнейшем все свои произведения Мальгин печатал на свой счет и сам занимался их распространением. Несмотря на то что в 1783 г. Н. И. Новиковым было издано переведенное префектом Троицкой семинарии иеромонахом Мелхиседеком (Заболотским) «Руководство к богопознанию по лестнице сотворенных вещей» кардинала Роберто Беллармино и оно расходилось крайне медленно,¹⁵ Мальгин заново перевел его с латинского, посвящая «Римской империи графу Безбородку».¹⁶ Перевод Мальгина, изобилуя тяжеловесными словосочетаниями и устаревшими словами, не всегда точно следовал оригиналу.

В середине 1780-х годов началось сближение Мальгина с Российской Академией, заседания которой он посещал со дня ее основания. Принимая участие в составлении «Словаря Академии Российской», он произвел выборку слов из сочинений Ивана Грозного, Дмитрия Ростовского и Иоанна Раича; Мальгин объяснил значительное количество церковнославянизмов и судопроизводственных терминов, для каждого слова он дал обстоятельные примеры его употребления. Почти все предложенные им слова и примеры вошли без изменений в академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. По предложению Лепехина в 1791 г. Мальгин одновременно с Д. И. Хвостовым был избран в члены Российской Академии «по известному знанию отечественного нашего языка, как сочинениями, так и переводами доказанному».¹⁷ Это еще более активизировало деятельность Мальгина в стенах Академии: полностью проникнувшись ее ин-

¹² В списке 393 членов Вольного экономического общества со дня его основания по 11 декабря 1792 г. имени Мальгина нет (см.: Список членам Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. [СПб., 1792]).

¹³ Труды Вольного экономического общества. СПб., 1773, т. XXIV, с. 144—170.

¹⁴ См.: *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783. СПб., 1913, с. 53, № 75.

¹⁵ См.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 050.

¹⁶ Лестница умственного восхождения к богу по степеням созданных вещей: Творение к. Б./С латинского языка преложил Тимофей Мальгин, коллежский асессор. СПб., 1786.

¹⁷ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1808, ч. III, с. 31; см. также с. 32—33, 50.

тересами, он принимал к сердцу все волновавшие ее вопросы, доложил приговором ее собраний о его трудах, затевал спор с разно-мыслящими сочленами, придавая весьма серьезное значение своей полемике с ними; никто не мог сравниться с ним в исправности посещений собраний и не было такой комиссии или комитета, в деятельности которых он не принимал бы участия. Собрания 3 и 16 января 1792 г. были целиком заняты его спорами с И. Н. Болтиным о происхождении глагола «воскрешать», а в 1798 г. в течение шести собраний шло обсуждение его доказательств происхождения глагола «помнить» от слова «память», а не от глагола «мнить», в чем Мальгин опять разошелся с Болтиным и был поддержан И. И. Красовским. Отмечая заслуги самых усердных своих сотрудников, Российская Академия в 1800 г. наградила его и Озерецковского золотыми медалями за деятельное участие в составлении «Словаря», а в 1801 г. он был избран в члены комитета по подготовке второго издания — на этом же заседании им был представлен в исправленном и дополненном виде словник на букву «В». 23 ноября 1801 г. Мальгин изъявил желание обработать букву «П», а уже 5 апреля 1802 г. представил подготовленный им словник. 20 сентября 1802 г. он выступил с сообщением о принципах расположения в словаре глаголов совершенного вида на букву «П» с приставками *пере-*, *по-*, *пре-* и *про-*; однако с его поправками собрание не согласилось.¹⁸ За участие в подготовке второго издания «Словаря» Мальгин был награжден в 1802 г. второй золотой медалью.

Несмотря на свои более чем скудные средства, Мальгин собрал небольшую коллекцию монет и манускриптов. Одну из рукописей, описывающую дипломатический церемониал времен Алексея Михайловича, он опубликовал в извлечениях,¹⁹ посвятив свой труд императрице. Впрочем, отсутствие сведений об оригинале рукописи не дает возможности дать оценку этой публикации, а сам характер ее пересказа и акцентирование величия и значения Русского государства заставляют вспомнить о ряде подделок, выполненных в ту пору из патриотических побуждений — таких, например, как вымышленный указ Алексея Михайловича, компрометирующий поступающих на русскую службу иностранцев,²⁰ или пресловутое сочинение А. И. Сулакадзева «О воздушном лета-

¹⁸ Там же, с. 54—60, 63—70; 1810, ч. IV, с. 17—18, 44—47; 1811, ч. V, с. 3, 13, 35—44.

¹⁹ См.: Чиновник российских государей, с разными в Европе и Азии христианскими и махOMETанскими владетельными и прочими высокими лицами, о взаимных чрез грамоты сношениях, издревле по 1672 г., как обоюдны между собой титла употребляли, и знаки дружества, почтения, преимущества и величия изъявляли. Издал коллежский асессор Тимофей Мальгин. СПб., 1792.

²⁰ См.: Лихачев Н. П. Историко-археографические заметки: IV. Вымышленный указ царя Алексея Михайловича. — В кн.: Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913, с. 85—96; отд. изд.: СПб., 1913.

нии».²¹ Стоит заметить, что Мальгина и Сулакадзева сближало многое: созданные ими коллекции подделок самого фантастического свойства,²² исторические взгляды, непоколебимая вера в собственную правоту; отношение к ним обоим современников было тоже одинаковым — более чем скептическим.²³ Вероятен и факт личного знакомства Мальгина с Сулакадзевым.

В 1803 г. Мальгин издал с посвящением Александру I «Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства и о качестве лиц и дел в оных», в котором на большом фактическом материале им впервые и достаточно полно была рассмотрена приказная система XV—XVII вв. Годом ранее, в мае 1802 г., Мальгин прочитал в Российской Академии свое «Историческое доказательство о древности в Российском государстве монет разного достоинства и медалей»; в доработанном виде повторно прочитанное там же в 1805 г., оно получило рекомендацию сочленов к печати, однако издано было лишь в 1810 г. под заглавием «Опыт исторического исследования и доказательства о древности в Российском государстве монеты разного достоинства и медалей своих собственных»²⁴ и содержало описание 148 монет, якобы имевшихся в собрании Мальгина. Описания монет были крайне фантастичны, например: «На обеих сторонах странные звери с длинными загнутыми вверх хвостами и надписью вокруг: Кн. Бориса Александровича» (№ 2); «Птица о четырех крылах с женским лицом под короною; с надписью вокруг: кн. вел. Василий Иванович; на обороте зверь наподобие коня, с надписью вокруг: Осподарь всея России» (№ 57); «Человек стоящий, держа в руках крестообразно невыразительные знаки, на обороте неясная надпись» (№ 83); «Страннообразный

²¹ См.: *Покровская В. Ф.* Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева: (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. XIV, с. 634—636. Об А. И. Сулакадзеве см. также: *Языков Д.* Оригинальный русский антиквар. — Русский вестник, 1898, № 7, с. 237—242; *Макаренко М.* Молитовник великого князя Володимира и Сулакадзев. — В кн.: Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сборник статей в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 484—491; *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века: (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1956, вып. V, с. 44—101; *Берков П. И.* О людях и книгах. М., 1965, с. 35—43; ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIV, с. 200—219.

²² Коллекция Сулакадзева вызывала изумление всех видевших ее, см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 238—239; *Жигарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955, с. 436—437. Коллекция Мальгина будет охарактеризована ниже, при разборе его трудов по нумизматике.

²³ Митрополит Евгений (Болховитинов) в письме к Г. Н. Городчанову от 15 января 1811 г. писал из Петербурга о «тамошних древностелюбивых проказниках», см.: *Срезневский И. И.* Воспоминания о научной деятельности митрополита Евгения. — В кн.: Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита киевского Евгения. СПб., 1868, с. 56. (Сб. 2-го отделения Академии наук, т. V, вып. 1).

²⁴ Сочинения и переводы. . . , ч. V, с. 18; ч. VI, с. 77—78; текст «Опыта» см.: ч. IV, с. 140—224; отд. изд.: СПб., 1810.

зверь, на обороте сосуд с поддоном и 4 точками, крестообразно расположенными» (№ 87); «Орел с ветвью в носу; на обороте надпись: пуло Тверское» (№ 103); «Всадник на коне с надписью в круге: кн. вел. Иван; на обороте посредине латинская надпись: „Aristotelis“» (№ 109), и т. д. Как показал И. Г. Спасский,²⁵ объектом описания Мальгина явились не столько материалы его собрания, сколько таблицы одной из копий «рисовальной книжки» минцкабинета А. И. Остермана.

Труд Мальгина был направлен против ряда скептических положений о древнерусской денежной системе, содержащихся в «Истории Российской» М. М. Щербатова, причем приводимые Мальгиным доводы сводились исключительно к рьяному порицанию скептицизма «иностранцев» (как собирательно Мальгин называл скептиков). Толкования основывались как на существовавшей литературе, так и на собственных произвольных домыслах «Древние наши деньги выглядят мелкими от обрезывания в ходу своем корыстолюбивыми людьми» и т. д.). Однако к общепризнанным авторитетам Мальгин относился с предубеждением. Так, он упрекал И. Г. Бакмейстера в неумении определить ряд монет: «Бакмейстер не хотел или не мог, яко иностранец, вникнуть. Сие примечается в нем и по прочим статьям, где говорится или с некоторым неуважением, или с холодностью и презрением к нашим древностям, называя грубым и безобразным тиснением, забыв, что время и ржа повредили оное; а если бы и подлинно было таково, то бы пощадил древность для того, что в самой Германии и Англии монеты тех времен искусством дела не лучше были российских». Мальгин критиковал также труды Академии наук по классификации арабских монет; не доверяя выводам академика Г. И. Кера, он рекомендовал для разборки монет «искусных в грамоте и любоохотных татар, коих изыскать нетрудно». Следует отметить, впрочем, что сочинение Мальгина наряду с трудами М. Д. Чулкова и М. М. Щербатова сыграло решающую роль в становлении нумизматики как самостоятельной науки в начале XIX в. в России.

В 1802 г. Мальгин представил на рассмотрение в Российскую Академию две басни прозой и «Начертание любопытнейших достопримечаний о чрезвычайном духе Петра Великого»;²⁶ собрание рекомендовало их к печати, но автор опубликовал свой труд лишь в 1811 г. под заглавием «Историческое изображение трех главных достопримечательнейших свойств или добродетелей всероссийского императора Петра Великого» (с посвящением великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу). По мнению Мальгина, такими свойствами были твердость веры, мужество и человеколюбие. «Историческое изображение» изобилует множест-

²⁵ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1955, ч. I, с. 198—200.

²⁶ Сочинения и переводы. . . , ч. V, с. 45—46.

вом стилистических архаизмов типа «буесловно», «бесноверно», что заставляет вспомнить о выборке Мальгиным слов из сочинений Дмитрия Ростовского. Трудом Мальгина пользовался А. С. Пушкин при работе над «Историей Петра Великого».²⁷

В заседании 1805 г. Мальгин сообщил сочленам свои письменные замечания на слово «князь», считая его происходящим от глагола «гнести», но это этимологическое открытие не встретило их поддержки. В 1806 г. он произнес две пространные речи — одна осуждала памерение некоторых членов Российской Академии прекратить упоминать имена составителей «Словаря» на вновь выходящих томах, другая была посвящена освящению архиепископом Ростовским и Ярославским Павлом (Пономаревым) дома, пожалованного Российской Академии Павлом I взамен отобранного.²⁸ В 1808 г. Мальгин выступил с докладом, в котором, желая «вычислать язык от вкрадшихся злоупотреблений», предложил разлагать на составные части букву «щ», вопрос о замене которой в XVIII в. был предметом острой полемики:²⁹ если ранее В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков предлагали передавать «щ» как «шч», то Мальгин впервые (до него это уже использовал в своих сочинениях, но без теоретического обоснования, В. Н. Татищев) предложил передавать «щ» как «сч»;³⁰ в дальнейшем это предложение было выдвинуто также В. С. Подшиваловым,³¹ а позднее неоднократно служило предметом дискуссий, вплоть до 1964 г.³² Как и ряд других замыслов Мальгина, предложенная им реформа орфографии не встретила сочувствия.

Мальгину принадлежит также ряд отзывов на труды, присланные для соискания академических наград. Так, он высоко оценил похвальные слова Минину и Пожарскому, царю Иоанну Васильевичу и Петру Великому; критика его касалась исключительно языка и стиля сочинений. Мальгин рекомендовал исправить «некоторые слова, в некоторых местах сочинения несколько или излишне, или неточно по здравому и строгому смыслу употребленные», и наградить «за лучшее из присланных сочинений золотую, а по крайней мере серебряною медалью». В дальнейшем

²⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. X, с. 472.

²⁸ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 23—24; ч. VI, с. 76—80.

²⁹ См.: Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII в. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981, т. 40, № 4, с. 316.

³⁰ См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии, вып. 5, с. 38—40.

³¹ Подшивалов В. С. Чтение и письмо. — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, 1816, ч. 5, с. 89—92.

³² См.: Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965, с. 76—86. Отметим, что в данном труде приоритет отдан Подшивалову, а имя Мальгина даже не упомянуто.

Мальгин уже не был столь снисходителен и в 1808 г. выступил с резкой критикой другого похвального слова царю Иоанну Васильевичу, считая, что «надутый сочинителя слог непристойными высокопарностями, помраченный невместными существительными и прилагательными именами и противный употребительному в сем роде сочинений правилу причиняет не только в понятии помрачение и темноту, но и в самом даже чтении от многословия трудность и отягощение», а посему оно «не заслуживает не только обещанной награды, но и посредственного одобрения». Рассматривая в 1809 г. совместно с П. И. Соколовым и С. И. Гамалеей рукопись П. Ю. Львова «Памятник князя Голицына», Мальгин рекомендовал исключить из нее как «неуместное злословие» следующие слова: «... особенно же того повинования, которое малодушные царедворцы нередко спешат стремглав оказать в угодность страстям государей своих, дабы чрез то обрести щедроты их».³³

В речи «О состоянии в России древняго и новейшаго народного просвещения»,³⁴ произнесенной им в собрании 8 декабря 1808 г., Мальгин стремился показать, что уже в древности в России был очень высок уровень образованности, что письменность была известна русским задолго до Кирилла и Мефодия, что Нестор и Иоаким не были первыми русскими летописцами, а заимствовали сведения из летописей гораздо более древних, что «Слово о полку Игореве» является примером необычайно высокого поэтического мастерства Древней Руси. Показателем культуры Русского государства он считал «пять Капонианских карт, сохраняющихся в Ватиканском книгохранилище», будто бы писанных «русскими живописцами Андреем Ильиным, Николаем Ивановым и Сергеем Васильевым» в XIII в. За пять лет до появления труда В. С. Сопикова³⁵ Мальгин уже утверждал, что первопечатником в России явился «датчанин Ганс Бухбиндер», напечатавший в 1562 г. на Московском печатном дворе «Апостол» (мнение о Гансе Мейсенгейме Богбиндере как о русском первопечатнике было опровергнуто лишь в советское время³⁶). Подытожив свои выводы, Мальгин писал: «Пусть непроницаемая завеса самой отдаленной древности и язычество первобытных наших предков скрывают от нас лучи тогдашняго в России свойственного тем векам просвещения. Пусть счастливейшие мнимыми ускорением в оном, но кичливые сим счастьем, некоторые народы

³³ Цит. по: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, ч. 5, с. 42—44, 48.

³⁴ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 225—286.

³⁵ *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813, ч. I, с. XXXII.

³⁶ См.: *Немировский Е. Л.* 1) Историкографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси. — В кн.: Книга. М., 1962, сб. 7, с. 243—251; 2) Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964, с. 65—69.

через своих писателей порицают россиян варварством и крайшим невежеством. Пусть, по движению зависти, злобы, презорства или, паче, по незнанию своему осыпают невинных прародителей наших всякою лякою, клеветами и нелепостями. Пусть, по надменности своей, уничижают древнюю важность, силу и славу отечества нашего. Но время, беспристрастие и благорассудливость, истинные свидетели и судии всего, открывая в самой вещи совсем тому противное, неправду как прах ветром развевают, истину же, яко небесно светло, земному мраку непричастное, в чистом образе являют».

Речь Мальгина «О необходимом союзе разума и природных дарований с науками», разосланная в 1812 г. для предварительного отзыва П. И. Соколову, И. А. Крылову, В. М. Севергину, И. И. Мартынову, И. С. Захарову, А. С. Никольскому и А. Ф. Севастьянову, вызвала немало критических замечаний из-за отсутствия четкости в ее композиции и из-за тяжеловесности и напыщенности слога; критике подверглась склонность Мальгина к изобретению новых слов (*рудоведыцы, горорытцы*,³⁷ *превозносливость*) и выражений (*огнезрачные вихри, недоуменная превьсимость человека над самим собою, парительный дух ума, скольский разум, благопопечительные отцы народов, плоды обильно гобзовали* и т. д.) и к употреблению архаизмов; в вину ему ставилась также несоблюдение орфографических правил и многословность; замысел «Речи» также остался непонятным критикам. Они не сочли возможным рекомендовать ее ни к произнесению в торжественном собрании, ни к печати, но тем не менее Мальгин напечатал ее за свой счет в 1813 г. отдельным изданием (с посвящением великим князьям Михаилу Павловичу и Николаю Павловичу). В печатном тексте из речи был изъят ряд изысканнейших похвал Мальгина своим сочленам; все же выражения, вызвавшие их неудовольствие, Мальгин не только оставил в неприкосновенности, но и щедро добавил их. А. С. Шишков, чрезвычайно расположенный к Мальгину, исполнил его просьбу о подношении «Речи» Александру I.³⁸

Столь же единодушную критику вызвали переводы Мальгина 250 избранных «краткоречений» из греко-латинского словаря А. Шревелия, которым было посвящено пять заседаний Академии в конце 1812—начале 1813 г. Несмотря на ранившие его насмешки сочленов, Мальгин по-прежнему ревностно посещал Российскую Академию и бескорыстно принимал деятельное участие в трудах ее хозяйственного и домостроительного комитетов. 13 и

³⁷ Отметим, что приписывание критиками Мальгину изобретения слова «горорытцы» было ошибочным — так, еще до него, Г. Р. Державин писал: «Как острой статью горорытство Металлов шцет в недре гор...» (*Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1808, ч. I, с. 183).

³⁸ См. письмо А. С. Шинкова к П. И. Соколову от 30 мая 1813 г.: *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871, ч. VI, с. 264—265.

20 октября 1817 г. он произнес речь «О неопределенном дарѣ слова человеческого и о последственной от онаго пользе постепеннаго усовершенна словесности для народнаго просвещения и славы государей — любителей онаго», а 30 марта 1818 г. выступил с сообщением о варяго-руссах. Не удивляясь тому, что «иностранцы производят их от свеев, от финнов, от чухон, от латышей и почти от самайедов», Мальгин изумлялся лишь тому, что «сами русские, как бы стыдясь русскаго своего происхожденія, покоряются иностранцам в развратных их мечтах». Основываясь на мнении «презираемаго многими, но нам всегда любезнаго летописателя преподобнаго Нестора» и сожалел о том, что «самый новейший и многообещавший писатель российской истории уклонился от очищенных стезей и самонадеятельно упустил многия истины о славянах, наших неотрицаемых предках, оставивших и у нас, и у прочих окрестных народов неизгладимыя следы языка своего и славных деяній, почитаемых некоторыми за басни и вымыслы несодеянныя и невероятныя», отчего «у нас чужія бредни в чести и уваженніи», Мальгин мечтал о том, чтобы «время, истину открывающее, когда-нибудь вразумило, наставило, исправило погрешности, недоумения и киченія».³⁹

Отношение к Мальгину его сочленов по Российской Академии было различным. Многие из них (в основном избранные в члены Академии еще в екатерининское время, такие как И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковскій, П. И. Соколов, Д. И. Хвостов, И. И. Красовскій и др.) глубоко уважали его за необыкновенное трудолюбие, скромность, любознательность, бескорыстие, а главное, за исключительную преданность Российской Академии; другие же (А. Ф. Воейков, В. А. Жуковскій, А. Х. Востоков), напротив, видели в нем лишь образец посредственности и живое воплощение науки давно минувших времен. С. П. Жихарев возмущался тем, что Российская Академия объединяет лиц «либо вовсе неизвестных в литературе, либо, что еще хуже, известных своею бездарностью»; к последним он причислял П. И. Соколова, Д. И. Хвостова, Н. Я. Озерецковскаго и Мальгина.⁴⁰

Всю свою жизнь Мальгин, не занимая какой-либо оплачиваемой должности и существуя только литературным трудом (причем отнимавшие у него основное время занятія в Российской Академии доходов ему не приносили), сильно нуждался; немалую роль в этом сыграло и то, что все свои сочинения и переводы он печатал на свой счет (как правило, в типографии Академии наук). Российская Академия, желая помочь ему, за пять дней до его смерти решила купить часть его библиотеки.⁴¹ Скон-

³⁹ Цит. по: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 5, с. 40—42.

⁴⁰ *Жихарев С. П.* Записки современника, с. 428 (запись от 8 марта 1807 г.).

⁴¹ Список книг см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 5, с. 59.

чался Мальгин 25 августа 1819 г. в крайней бедности, жившая при нем его незамужняя дочь Мария не имела средств на его похороны, и лишь 6 сентября Российская Академия по ходатайству А. С. Шишкова выделила 500 рублей ассигнациями на погребение самого ревностного своего члена.

У Мальгина были сыновья Иван, который по окончании Академической гимназии в 1802 г. служил в Горном корпусе, и Глеб, секретарь Герольдмейстерской конторы, плодовитый переводчик и автор написанной в духе запоздалого подражания Э. Юнгу книги «Мои посещения кладбища» (СПб., 1810), а также две дочери — Дарья и Мария, обе не чуждые литературным занятиям.

В 1823 г. посмертно был издан выполненный Мальгиным перевод с немецкого «Записок исторических, гражданских и военных о России с 1727 по 1744 год» К. Г. Манштейна; кроме того, в издание был включен перевод «Жизни Манштейна» Ф. Грубера и составлен указатель. Точка зрения о принадлежности перевода не Мальгину, а его дочерям и Е. Подлесновской⁴² неосновательна: язык перевода говорит сам за себя. В рецензии на него Ф. В. Булгарин писал: «Весьма жаль, что сей новый перевод не соответствует достоинству подлинника и важности предмета. Слог чрезвычайно тяжел, язык неправилен и встречаются выражения темные <...> Невзирая на успехи языка и словесности, мы с соболезнованием видим новья книги, писанныя языком времен Сумарокова и слогом Федора Эмина».⁴³

Через два года был напечатан и другой труд Мальгина — «Российский ратник, или Общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год по достоверным российским бытописаниям». О цели своего труда Мальгин писал: «В сем сочинении тщился я с возможною точностию изобразить известные лица, время, обстоятельства, качество вооружения и места ратных происшествий с зависевшими от того последствиями пользы или ущерба государственного, не касаясь, однако ж, внутренних военных злоключений, до настоящего моего предмета отнюдь не принадлежащих». По мнению критики, это «намерение оказалось более похвальным, нежели исполненным». Так, Н. А. Полевой писал, что Мальгин «без всяких изысканий, без всяких доказательств выбрал из русских летописей все те места, где говорится о сражениях и о битвах, потом выбрал что было ему нужно и из Деяний Петра Великого, изд. г. Голиковым, и, наконец, сделал выбор из реляций и газет до 1805 г.». Удивление критика вызвало то, что «везде, где русские проигрывали, сочинитель молчит или с жаром порицает неприятелей вероломством, изменой, коварством и проч.». Полевой пришел к выводу, что «сочинитель старается выражаться каким-то странным

⁴² См.: Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писателей, с. 161, 199.

⁴³ Литературные листки, 1824, № 13—14, с. 41—43.

языком летописей, ошибается в подробностях новейших происшествий, — и мы не понимаем, для чего было издавать в 1825 г. книгу, для которой время прошло уже лет пятьдесят назад, с Эмиными, Щербатовыми и другими старыми историками».⁴⁴

Больше о Мальгине не вспоминали.

2

Наибольшую популярность Мальгину принесли исторические труды, среди которых в первую очередь следует упомянуть выдержавшее три издания «Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями». Оно носит компилятивный характер — в основу его были положены изданные к тому времени исторические сочинения и источники на русском языке. Творческая манера Мальгина проявилась в том, что, сделав краткую выписку без каких-либо ссылок из многотомных сочинений В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и Ф. А. Эмпа (и явно отдавая предпочтение последнему, в трудах которого достоверность исторических событий приносилась в жертву красочным подробностям), он добавил от себя ряд ярких деталей и характеристик и ввел в книгу в качестве общеизвестных, якобы знакомых читателям фактов множество собственных домыслов и предположений, нигде не указывая источник заимствования и лишь в спорных случаях ссылаясь на какой-либо авторитет (Феофан Прокопович, Вольтер, Платон Левшин, В. К. Тредиаковский), чтобы доказать свою правоту.

Вся российская история хронологически разделена в «Зерцале» на отдельные княжения или царствования, причем каждому из правителей дано особенное прозвище в соответствии с чертами его характера и поступками: Рюрик — Родообновитель, Игорь Рюрикович — Дерзосердный, Ярополк — Братопенавистливый, Юрий III Данилович — Упругий, Алексей Михайлович — Остроумный, Федор Алексеевич — Чухотный, Петр II — Добрая Надежда, Анна Иоанновна — Строгая или Грозная, Елизавета Петровна — Кроткая, Петр III — Полководный и т. п. В каждой главе рассказывалось о происхождении, родственных связях, жизни ее героя и попутно излагались события отечественной истории в период его правления. Автор посвятил «Зерцало» двум великим князьям и четырем великим княжнам; при переизданиях в посвящение пунктуально добавлялись последующие дети цесаревича Павла Петровича по мере их рождения. Первое издание «Зерцала» вышло в 1789 г. и быстро разошлось; уже в 1792 г. оно было переиздано в существенно дополненном виде (объем возрос почти вдвое) тиражом 1012 экземпляров. «Зерцало» попра-

⁴⁴ Московский телеграф, 1826, № 12, с. 304 - 310.

вилось Екатерине II, которая 25 апреля 1792 г. наградила автора золотой табакеркой с бриллиантами (награда была передана Е. Р. Дашковой для торжественного вручения автору, но по непонятным причинам Дашкова на следующий день отправила ее с письмом ему на дом). Успех второго издания заставил Мальгина подготовить, значительно переработав и почти втрое увеличив его объем, третье издание, вышедшее в 1794 г. таким же тиражом.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома в составе собрания Г. В. Юдипа хранится экземпляр третьего издания «Зерцала» с многочисленными авторскими дополнениями на полях, свидетельствующими о том, что это **наборная рукопись** подготовленного к печати четвертого издания «Зерцала» (листы соединены следующей цензурской скрепой: «Книгу под заглавием Зерцало российских государей, четвертое издание, Тимофеем Мальгиным, членом императорской Российской Академии, читал и не нашел в пей противнаго уставу о цензуре книг»).⁴⁵ Из помет Мальгина видно, что, учитывая вновь резко увеличившийся объем (пометы увеличили бы объем книги еще в полтора раза), он предполагал разделить «Зерцало» на два тома, хронологически окончив первый царствованием Василия Шуйского и начав второй с воцарения Михаила Романова. Наборная рукопись четвертого издания представляет собой сшитые вместе необрезанные (ширина полей до 85 мм, длина печатной строки 88 мм) листы без переплета; отсутствуют шесть страниц с посвящением, не входящие в общую пагинацию, а также страницы 1—2, 591—592, 626—632. Первый и последний листы изрядно загрязнены, края их обтрепались и местами повреждены грызунами. Текст напечатан на бумаге гораздо более плотной, чем употреблявшаяся для основного тиража третьего издания «Зерцала».

Датировка дополнений не представляет особых затруднений. Так, на с. 168 ведется полемика со статьей иезуита Д. Ришардета, помещенной в № 74 и 89 «Северной почты» за 1818 г., вышедших соответственно 14 сентября и 16 ноября 1818 г.; вместе с тем на с. 456 подробно говорится об изготовлении в Петербурге памятника Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса и о предстоящей установке его в Москве, хотя, как известно, он был открыт уже 20 февраля 1818 г.⁴⁶ Все это свидетельствует о том, что подготовка к печати четвертого издания «Зерцала» проводилась в несколько этапов — зимой и осенью 1818 г. О неоднократном внесении исправлений и последующих дополнений в текст уже подготовленных вставок свидетельствует различный цвет железогалловых чернил; также дополнения к добавлениям, свидетельствующие о позднейшей авторской правке, имеются на с. 117, 533 и ряде других.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 178. Далее при ссылках на данную рукопись страницы указываются в тексте.

⁴⁶ Московские ведомости, 1818, № 46, с. 2.

Не ставя себе целью подробное исследование исторических взглядов Мальгина, а тем более сопоставление их со взглядами современных ему историков, что должно явиться предметом большого самостоятельного труда, рассмотрим лишь важнейшие и наиболее интересные из сделанных им дополнений (далее при цитировании «Зерцала» все дополнения, внесенные Мальгиным к основному тексту, передаются курсивом, места, изъятые им из текста третьего издания, заключены в квадратные скобки).

Основной пафос сделанных Мальгиным дополнений — это борьба с усилившимся в 1810-е годы так называемым скептическим направлением в русской историографии, а также с рядом положений «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Полемиические выпады Мальгина, как правило, не содержали развернутой научной аргументации, она подменялась многословными обвинениями скептиков в отсутствии должного патриотизма и в непростительном доверии к мнениям западных авторитетов. Фактическая сторона дополнений не была значительной и сводилась к некоторой конкретизации рассматриваемых явлений. Признавая свои доводы истинными, Мальгин не считал пужным указывать источники сообщаемых им сведений.

Во вступлении Мальгин заостряет внимание на своем намерении неукоснительно следовать достоверным историческим фактам: «Всякому народу, не кичась мрачным произведением своего поколения, можно бы брать хотя позднейшее, но явнейшее начало своего родобытия; ибо какая польза помрачить бытописание заимствованнем непроницаемой уже древности и хвалиться, как многие из любочестия делают, о почти баснословном или поистине таковом повествовании о преимуществе народа своего и деяний оного? Многие народы древни почти как мир, дело презвестное, но кто точно их родоначальники, кроме известных по священному писанию, весьма сомнительно; а одно гадание без яснаго доказательства истины и достоверности не составляет, и оттого-то сколько вкралось в бытописание басен. По счастью, наша история сям мало запутана, а темные места объясняются и подтверждаются, [так сказать,] точными именами лиц, живыми урочищами мест; [и] достоверными знаками неизгладимых следов самой истины *знаменитых подвигов; потребны только внимательность и благорассуждение тонкое в связи событий и надлежащем отношении их к своему времени, к истинным лицам и действительным обстоятельствам, в которые соотечественные писатели погрешали и погрешают, но постепенно в том исправляет и просвещает их время и опытность, наилучшие учителя. Так и некоторые из иностранных, не токмо глубины исторических истин, но и посредственного знания древняго и новейшаго языка не имеющие, пишут о деяниях России столь уверительно, что мечтают о себе быть как бы современными и очевидцами оных, многие слепо тому верят и за истину почитают*» (с. 3—4).

Особое значение Мальгин придавал первородству славян по отношению к другим европейским народам: «*Славяне в Европе*

также гораздо древнее существования Римлян; но и сии едва ли не от оных происходят? Пбо с начала христианского летосчисления Римская империя продолжалась уже 800 лет, а история Славян, или Енетов, под именем Енея именуемых и существовавших гораздо более 400 лет до Рима или Римлян, не была еще начата писанием по причине самой римской истории. Пбо Славяне более помышляли о произведении славных деяний, нежели о писании оных, оставляя сию должность другим» (с. 14).

Несмотря на то что в русской историографии 1810-х годов мнение о происхождении славян от мифического «князя Славена» уже подверглось резкой критике, Мальгин не внес каких-либо изменений в текст «Зерцала»: «... по разделении сынов и внуков Афетовых один из князей их рода Славен с братом Скифом, многия имев войны на Востоке, обратился к Западу, и, тут многия земли по Черному морю и по реке Дунаю себе покорив, народ прозвали по своим именам Славенами или Скифами» (с. 3—4). Далее, сообщая об основании Славеном города Славенска, «которым почитать подобно ныне Старое городище, близ нынешняго Новгорода Великаго у озера Ильменя находящееся» (с. 4), Мальгин подчеркивал, что «города Старая Руса и самый Новгород Великий за несколько веков не токмо до прибытия в Россию кн. Рюрика существовали, но [едва ли не равняются] более четырех столетий превосходят древностию своею и самый древний Рим» (с. 14). Если сомнения в древности Старой Руссы и возникли у Мальгина: «Старая Руса была основана Русом, братом Славена, от сотворения мира в 3113 г., за 2391 лет» до Рождества Христова, а по ныне [4188] 4280 лет» исполнилось. *Истины толь глубокой древности не утверждаю и не отрицаю, а вероятность возможна*» (с. 15), то древность Кнева была для него бесспорной: «Сей град действительно до пришествия еще Спасителя существовал, но, может быть, не в такой великости, знатности и пространстве» (с. 14).

Мальгину ничего не было известно о сыновьях Славена, «коих род чрез 14 колен около [350] 384 лет продолжался». По его мнению, «последним же из того поколения был князь Вандал», который, «будучи возмущен предательством подвластных ему свойственников Гордорика и Гушгарда, все завоеванные им земли, от моря до моря покорив себе, разделил сыновьям своим Избору, Владимиру и Столпосвяту». Мальгин считал этих сыновей основателями современных городов — Изборска, Владимирца и Осташкова, который он принимал за город Столпосвятов (с. 5—6). Этимологические дискуссии 1810-х годов поколебали уверенность Мальгина, и рядом с именами Гордорика и Гушгарда он приписал в скобках: «Собственные или царцательные имена — утверждать не дерзаю».

Из потомков Вандала внимание Мальгина привлек лишь «князь Буривой, от Владимира нисходящей степенно поколения девятого», обладавший «всею Гярмиею, т. е. Кореллею до реки Кюмени, в тогдашнее время между Россиею и Швециею грани-

чившей); столицей этого края, по его мнению, был «крепкий город Корела, или Бярмы, нынешний Кексгольм» (с. 6—7). Следует отметить, что в русской историографии XVIII в. мнения о местонахождении легендарной Биармии разделились. Так, М. Д. Чулков располагал ее в верховьях Северной Двины, считал ее столицей Холмогоры и писал об оживленной торговле биармийцев «еще до времен Рюрика» «с датчанами и другими нормандами», а также с прибывавшими в «центр европейской и азиатской торговли» Чердынск индийскими и персидскими купцами, стремившимися завосвать шведские и норвежские рынки сбыта.⁴⁷ Иной точки зрения придерживался Н. П. Рычков, который помещал Биармию в Соликамскую провинцию и считал ее легендарной столицей Чердынск.⁴⁸ Мнение же Мальгина было совершенно новым; никак не разделенное и не оспоренное, оно осталось незамеченным и не было даже учтено в капитальном своде сведений о Биармии.⁴⁹

Следуя давно уже отвергнутым авторитетам, излагал Мальгин столь занимавший воображение его современников и их потомков вопрос о призвании варягов на Русь: по смерти Буриvoja «Варяги, или Свеи, воспользовавшись счастьем и победою, на Полнощных Славян, Русь и Чудь тяжкую наложили дань, что и понудило их просить о избавлении своем Гостомысла, Буривоева сына и Рюрикава деда, конечно в особом уделе княжествовавшего <...> Он не токмо по варяжское с Руссов сверг, но и, возвратив многия прежняя российския, отторженные оружием, неприятельския области, приобрел еще новыя в [Финляндии] Финнии места и построил там город Выбор, нынешний Выборг, названный им по имени старшаго его сына кн. Выбора, имевшаго свой удел во Псковской области и оставившаго там в одном селении, которое было городом и пригородом, свое именованье, поныне неизменно продолжающееся и служащее живым доказательством самой истины дела и неизгладимой древности в существенном живом урочище» (с. 7). В свою очередь «Гостомысл, быв [во] в глубокой уже старости и предвидев скорый конец жизни своей, созвал всех старейшии (удельных князей или областеправителей) земли своей от Славян, Чудии, Веси, Мери, Кревичь и Др[я]говичь или Друговитов [и совставя] для советов с ними о избрании на Славено-Российское княжение, [по] или, лучше сказать, великокняжество, внука своего, средней его дочери Умилы, Финской или Упсальской королевы, старшаго сына князя Рюрика, послал или послать определил избраннейших мужей [(вельможей)]

⁴⁷ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781, т. I, кн. 1, с. 95—97.

⁴⁸ См.: Продолжение Журнала, или Дневных записок, путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб., 1772, с. 105—114.

⁴⁹ См.: Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии. — Этнографическое обозрение, 1905, № 2—3, с. 65—69.

[в] к Варяг[и] о-Р[о]усс[ы]ам [или Финны] (*Финнам или Померанам*) просить к себе оного государем с двумя братьями его [который]. *Сей же, по смерти уже Гостомысловой, в 860 г. последовавшей, по просьбе послов новгородских, вещавших по прибытии к сим князьям тако: „Земля наша велика и обильна, а порядку (добраго правительства) в ней нет; придите владети нами“, с братьями, ближними и вельможами своими прибыв в Россию, принял великокняжение вместо деда своего в 862 г.»* К знаменитым словам, якобы произнесенным новгородцами, Мальгин сделал добавление: *«Сии слова весьма важны и великаго требуют примечания: Земля наша, чья же? конечно, Славено-российскаго государства, а не Готвскаго или Скандинавскаго и Свейскаго; велика и обильна, народ ея отнюдь и никогда не имел нужды при естественном обилии, при трудолюбии и умеренной жизни в промысле морскаго разбойничества и насильствах к соседям своим, как вообще бедные варяги. О пределах и богатстве ея, о разуме и великодушии свободаго народа говорить здесь надобности не имею, оставляя на рассуждение самому читателю, из общаго повествования для особеннаго внимания истины о варяго-руссах советую прочитать ученое рассуждение покойнаго профессора Академии наук Василья Кирилловича Третьяковскаго,⁵⁰ ясно доказавшаго всю несбыточность означеннаго мнения гг. скандинавских учителей»* (с. 9).

Отнюдь не считая, что Русь до образования государства в чем-либо уступала Европе периода феодальной раздробленности, Мальгин, перечисляя населявшие Русь народы, подчеркивал: *«Все сие составило единственное и сильное государство Российское, хотя и под удельным правлением, так как и в Немецкой земле, или Германии, то же самое было весьма долговременно с большим, может быть, внутренним и внешним неустройством. У всякаго народа есть собственное зеркало, в которое смотреться можно, не заглядывая в чужие; кажется, и справедливость того требует и разум научает. Но у ближнего усматривают сучок в глазу, а у себя и бревна не чувт. Так и иностранцы с русскими, да и во многом, а к сожалению некоторыя русския воспитанныя, подражая во всем своим учителям, не то повествуют, пренебрегая собственную отечественную истину или правоту»* (с. 8). Не разделяя он и мнения современных ему ученых о низком уровне развития России до княжения Рюрика: *«Впрочем, да не мнит кто-либо из чужеземных или из соотчичей наших, [или древней*

⁵⁰ Ср.: «Именовавшиеся Варяги, и те Руссы, а следовательно великие князи, самодержавствовавшие в России и пришедшии в Новгородскую державу с начала от Варяг, имели название сие Славенское, род их был Славенский, и вещали они языком всеконечно Славенским» (*Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I. О первенстве словенскаго языка пред тевтоническим; II. О первоначалии руссов; III. О варягах руссах. Славенскаго звания, рода и языка. СПб., 1773; с. 202—203).

Российской истории не сведущих, или только своевольным неосновательным прекословием истину помрачающих] в древнюю российскую повесть не углублявшихся, будто бы подлинно правление Российского государства, порядок и верховная государей наших власть начало свое восприяли только от Рюрика <...> *Сие поверхностное мнение, и честь ему по всем нашим бытописаниям единственно уступается за темнотою древнейшей, хотя вероятной [истории] повести и родословия прежних до него бывших князей, а наипаче по тому, что с его времени порядочное уже и достоверное счисление начинается*» (с. 9); «Рюрик, <...> восприяв в России великокняжеский престол и титул, нашел в ней многие уже укрепленные города, непременные законы и по оным основательное и твердое правление, внутренним только несогласием расстроенное, а затем все к выгодам жизни, к благоустройству и могуществу государства принадлежавшее, приобрел готовым и искони существовавшим. В сей истине всяк благоразумный удостоверить и утверждаться может и должен тем, что не токмо какое-либо государство, кольми паче толь всегда пространная и многонародная Россия, но и малое семейство одного дома или обитаемый самыми дикими людьми шалаш, с места на место переносимый, не могут быть и состоять без начальства, главы или хозяина, всем управляющего, и некотораго постоянно внутри и вне установленного порядка, осторожности, а в выгодах и пользах своих, досужества» (с. 10). Свои выводы Мальгин подытожил резкой отповедью скептикам: «Итак, скандинавское столпотворение о происхождении Российского народа от бедной Свеонии или Финнии собственно своею тщетою рушится. Сиятся привить столетний пенъ к годовалой леторосли — конечно, суетно и ложно, но вставим труд их в собственное мечтательное удовольствие. Наш Атлант — Россия не превратится оттого в кучу муравейную и не унижится нелепыми умствованиями, которыя развеет ветер благоразумия и истины» (с. 12).

Упрочению славянского государства, согласно Мальгину, способствовала миссионерская деятельность апостола Андрея Первозванного, который «проповедовал и крестил между прочими народами и Славян, под общим названием Скифов, [издревле] Греками неправильно почитаемых». Как источники были привлечены «наши поистине [беспристрастные] всякаго вероятия, прочим предпочтения и достовернаго приятя достойные летописатели древностей: Иоаким епископ Новгородский, муж иноплеменный и ко пристрастию никакой причины не имевший,⁵¹ а также и пре-

⁵¹ Мальгин отослался с полным доверием к Иоакимовской летописи, вопрос о достоверности которой среди его современников был предметом горячих споров. Если в XVIII в. за единичным исключением (см.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 125) сомнений в ее подлинности не возникало, то уже в начале XIX в. были высказаны противоположные мнения (*Брусилов Н.* Историческое рассуждение о начале Русского государства. — Вестник Европы, 1811, № 4,

подобный Нестор, в словесности, в благочестии и добродетельной жизни известный, оба мужи любомудрые, конечно зная внутренняя и внешняя деяния народов и имея у себя древняя бытописания или предания общия и частныя, в истине их сами уверенные» (с. 12). Несмотря на эти их качества, Мальгин позволил себе не согласиться с летописцами по вопросу о водружении апостолом Андреем креста в Киеве и порицал того, «кто, держась одних слов, а не разума прекодобного» Нестора, возражать стал, что св. апостол Андрей не проповедовал веры и не крестил людей в Киеве, а токмо на горах, как бы мимоходом, крест водрузил» (с. 12). Согласно Мальгину, «водружение креста по прямому разуму славенскаго языка означает действительную проповедь и крещение людям, тамо обитавшим, а не пустым и бессловесным вещественным горам, лесу и камению, отнюдь того не требовавшим», а посему «достойно почитать и держаться надлежит и должно, что св. апостол Андрей точно во граде Киеве или Горах,⁵² а не на простых вещественных горах и не вещественный, но подразумеваемый крест, т. е. веру Христову проповедню, учением и крещением народа поставил или водрузил, т. е. посадил или посеял» (с. 13).

С уверенностью рассказывал Мальгин и о том, где был водружен вещественный крест: «Близъ же Новгорода расстоянием от онаго шестидесяти верст в веси или селени Друзино, а ныне с переменою токмо буквы Д. на Г. — село Грузино, водрузил, т. е. воткнул в землю, жезл свой или посох, преобразовав тем и в сих местах как просвещение святою» верою, так и самодержавный в России жезл государственнаго правления и кормило благочестия. В незабвенную же того [по преданию или плако как] память вскоре по крещении Новгорода построена на том самом месте, где Андреев жезл был водружен, во имя и честь его церковь, *пояныне под сим званием существующая и по знаменитости древняго случая и настоящего селения соборною учиненная.*

с. 295—306; *Евгений*, митрополит [*Волховитинов Е. А.*]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1818, ч. 1, с. 220—225). В 1830-х годах полемика усилилась, мнение о подлинности летописи (*Сенковский О. П.* Собр. соч. СПб., 1858, т. 5, с. 456—510) подверглось ожесточенной критике (*Руссов С.* О сагах в отношении к русской истории или вообще о Древней Руси. СПб., 1834, с. 83—89; *Скромненко С.* [*Стров С. М.*]. Критический взгляд на статью под заглавием Скандинавские саги, помещенную в первом томе Библиотеки для чтения. М., 1834). В дальнейшем этот вопрос неоднократно служил предметом научной полемики, см.: *Gorlin M.* La chronique de Joachim. — *Revue des études slaves*, Paris, 1939, t. XIX, fasc. 1—2, p. 40—51; *Моргайло В. М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 260—268.

⁵² Одна из любительских этимологий Мальгина: «Название Киева происходит от слова Киеви, означающего на Сарматском языке горы, что и с самым сего города местоположением совершенно согласует; то Киев или Горы одно и то же самое знаменуют» (с. 12).

Село Грузино принадлежит ныне добродетельному вельможе, двух императоров ревностному служителю графу Алексею Андреевичу Аракчееву, который многие опыты оказал любви своей к отечеству, верности к престолу и благочестия к святыне господней. Коль редки истинные сыны отечества, друзья человечества, ревнители добрых и полезных к обществу дел! Да процветают таковые во всяком благополучии и долговременно и приснопамятно. Се единственная здесь добродетели награда, достойное воздаяние, справедливая почесть» (с. 14).

В обоснование истинности приводимых им фактов Мальгин ссылается на древнейший летописный свод, на Пролог и на Чети-Минеи. Однако в Прологе про посещение Андреем Руси упомянуто весьма общо: «Многия обиде грады, Неокесарию, Самосаты, Аланусы, Авагусы, Зикхусы, Боспорию, Херсониины <...> И прочия веси прошед, и в Пелопонес дошел».⁵³ Несколько более подробно об этом рассказано в Четиих-Минеях: «Смотрением же божиим доиде и до реки Днепра в Российстей стране, и к горам Киевским пристав, обнощева. Заутра же от сна восстав, рече к сущим с ним оучеником: видете ли сия горы; веру имеют ми, яко на сих благодать божия воссияет, и имать град велик зде быти, и церкви многи хощет бог воздвигнути ту, и просвети святым крещением всю землю Российскую. Возшед же на горы, благослови я и крест водрузи, провозвещая суверение рода того от своего апостольского дрека в Византии основанного. Прошед же и вышния грады российскийя, идеже ныне Новгород великий еще же быв и в Риме».⁵⁴ Этот отрывок восходит к «Повести временных лет»,⁵⁵ но и там ничего не говорится о водружении креста в Грузине. В основе рассказа о посещении апостолом Андреем Руси лежит фольклорное предание.⁵⁶ Местная легенда с древних времен относилась это водружение к 6 июля, когда отмечалась его очередная годовщина; наиболее раннее известие об этом отно-

⁵³ Пролог, сентябрь—ноябрь. М., 1774, с. 363.

⁵⁴ Минеи-Чети, сентябрь—ноябрь. М., 1782, с. 440—442.

⁵⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 12.

⁵⁶ Там же, ч. 2, с. 218. Укажем лишь важнейшие работы, посвященные греческому апокрифическому сказанию о посещении апостолом Андреем Скифии и бытованию этого сказания на Руси: *Малышевский И. И.* Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем. — В кн.: Владимирский сборник: В память девяностолетия крещения России. Киев, 1888, с. 1—51; *Васильевский В. Г.* Хождение апостола Андрея в стране мпромадония. В кн.: *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1909, т. II, вып. 1, с. 213—295; *Седельников А. Д.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. — *Slavia*, Praha, 1924—1925, год. III, себ. 2—3, с. 316—335; *Погодин А. Л.* Повесть о хождении св. апостола Андрея в Русь. — *Buzantinoslavica*, Praha, 1937—1938, VII, s. 128—148; *Dvornik F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, Mass., 1958; *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 37—47; *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. — Там же, с. 48—63. Свод древневизантийских источников о путешествиях апостола Андрея см.: *Acta Andreae Apostolicum laudatione contexta*, hrsg. von Max Bonnet. — *Analecta Bollandiana*, Bruxelles, 1894, Bd XIII.

сится к 1691 г. и находится в сочинении игумена Деревяницкого монастыря Маркелла, посвященном истории Грузинской церкви св. Андрея Первозванного, в которой по преданию до середины XVIII в. даже хранился чудом обретенный его жезл.⁵⁷ В начале XIX в. крестьянами села Грузино был выловлен в Волхове большой деревянный крест, и народная молва сразу же соотнесла его с водруженным апостолом Андреем, но при тщательном рассмотрении он оказался поставленным 6 июля 1693 г. тем же игуменом Маркеллом на предполагаемом месте первоначального водружения.⁵⁸ Сомнений в достоверности водружения апостолом Андреем креста в Грузине ни у кого из побывавших там в начале XIX в. лиц не возникало, настолько в те годы там был распространен культ Андрея Первозванного.⁵⁹

Значение сообщения Мальгина о водружении апостолом Андреем креста в Грузине состоит в том, что в исторической литературе этот факт был впервые упомянут именно им (без ссылки на фольклорное происхождение, но подкрепленный более чем сомнительными топонимическими изысканиями автора). Очевидно, помещая этот рассказ в третьем издании «Зеркала» (1793), Мальгин не преследовал каких-либо корыстных целей: в то время Грузино было экономическим селом и лишь после восшествия на престол Павла I было пожаловано им А. А. Аракчееву. Вероятно, Мальгин плохо следил за современной ему литературой: едва ли бы он отказался от включения в «Зерцало» сообщения о хранящемся в ковчеге в Грузинском соборе знамени великого князя киевского Владимира, подаренном Аракчееву Ф. П. Ключаревым (знамя было в превосходной сохранности и изображало «шествие Владимира по земле Русской для распространения христианской веры»; на заднем плане находились юные Борис и Глеб, а также коварный Святополк; по словам Ключарева, знамя было приобретено по случаю его покойным сыном в 1813 г. в Польше).⁶⁰ Следует отметить, что в псевдоисторических разысканиях той поры было и другое мнение о месте водружения креста апостолом Андреем. Так, Сулакадзев в своей рукописи «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря» утверждал, что каменный крест был им воздвигнут на месте будущей обители,⁶¹ современные Сулакадзеву историки к заявлению известного выдумщика отнеслись скептически.⁶²

⁵⁷ Историческое описание села Грузино, собранное из достоверных повествователей и собственных наблюдений по 1816 год Грузинского собора протоиереем Феодором Малиновским. М., 1816, с. 63—65.

⁵⁸ См.: [Свиный П. П.]. Поездка в Грузино. — *Сын отечества*, 1818, № XL, с. 51.

⁵⁹ См.: Писарев А. Собор св. апостола Андрея Первозванного: (В селе Грузине). — *Сын отечества*, 1816, № XI, с. 161.

⁶⁰ См.: [Свиный П. П.]. Поездка в Грузино, с. 53—56.

⁶¹ Шляпкин И. А. Рукописи Валаамского монастыря. — Библиограф: Вестник литературы, науки и искусства, 1889, № 10—11, с. 198—200.

⁶² См.: Переписка А. Х. Востокова с объяснительными примечаниями И. И. Срезневского. СПб., 1873, с. 390.

Незначительное расхождение в частностях не свидетельствует о каких-либо серьезных различиях в научных воззрениях Мальгина и Сулакадзева; напротив, их сближала и глубокая уверенность в том, что письменность у славян возникла задолго до деятельности Константина и Мефодия, «так называемых философов» (с. 17), по ссли «древностеллюбивый проказник» (как называет Сулакадзева митрополит Евгений) сам щедрой рукой изготовлял все необходимые в его исторических построениях памятники, будь то «костыль железный Добрыни, дяди Владимира» или молитвенник племянника Добрыни,⁶³ то Мальгин ограничился следующим замечанием: «Славяне не токмо свои письмена имели, но в полном действии грамоту, т. е. книжное учение, употребляли гораздо прежде того и многих народов в том предварили. А что по мнению некоторых будто бы оными греческими философами составлены для славян буквы письменныя, то сего несбыточным, ниже вероятным не почитаю, разве только в коренной славенской азбуке прибавлены ими не столько для нужды в языке и слоге, сколько ради счисления некоторыя греческия буквы, чего составлением азбуки и паче букв славенских отнюдь принимать не можно» (с. 17—18). Выводы Мальгина и Сулакадзева не встретили поддержки; напротив, имея в виду последнего, Евгений (Болховитинов) писал о сознательном распространении в 1810-х годах мистификаторами легенд о якобы имеющихся в их распоряжении памятниках, предшествовавших по времени всему корпусу славянского рукописного наследия.⁶⁴

Доказав во «Введении» повгородское происхождение Рюрика и самостоятельность образования Русского государства, в дополнениях к первой главе Мальгин вновь возвратился к этому вопросу и с жаром порицал тех ученых, которые, утратив чувство национального достоинства, *«легкомысленно делают Россию только незаконною падчицею Швеции и Финнии, не присвоая ей родных отца и матери, что было бы весьма жестоко, обидно и безрассудно от своих и чуждых умствователей по одним догадкам и производством некоторых однозвучных иноплеменных слов и речений. Ибо самая вероятность или суть разума и сущей правды еще не составляют, кроме бесплодных споров, тщетнаго разногласия и большаго повода к нерешительности»*. Мнения же иностранных ученых а priori никаким уважением у Мальгина не пользовались: *«Всяк знает пословицу: не все то золото, что блестит, а блестит и кошачье золото, но самую вещь дресва или обманка, непристальнаго зрениа и лежковерия всегда преткновеннаго для себя и других. Русским же бытописателям знать и пре-*

⁶³ См.: Пыпин А. П. Подделка рукописей и народных песен. СПб., 1898, с. 8—10. (ПДНН, т. СХХV11); Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок). — Вопросы языкознания, 1960, № 2, с. 142—144.

⁶⁴ Евгений, митрополит [Болховитинов Е. А.]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, ч. II, с. 58—59.

льщаться чужими бреднями, презирая собственные очевидныя истины, безумно и грешно. Пора, пора почувствоваться от удушливаго чужеземнаго чада» (с. 49).

Говоря о межплеменной розни по воцарении Рюрика, Мальгин доказывает, что основной ее причиной явилось введение в качестве официального языка непонятного массам языка пришельцев, а также «простирравшаяся над Россией мгла язычества»: *«Образ Рюрикова правления в России — был смешанный из скандинавскаго и славенскаго, а язык придворный и судебный употребляем фино-свейский или варяжский, что великое делало затруднение славянам и прочим подвластным народам. И сие между прочим, кажется, также было немалою или и важною причиною внутренних неудовольствий, беспокойств, а ныне неудобнаго понятия к разумению некоторых отрывков тогдашней письменности. Но по божию провидению сия суровая смятенность была недолговременна. Народ, язык, законы, обряды, обычаи и нравы восторжествовали паки славено-русские. И кто же все сие применил? Великая Ольга и св. крещение»* (с. 56).

Рассматривая язычество как источник всех бедствий великих князей киевских, правивших до официального принятия христианства на Русь, Мальгин особенно подробно показывал это на примере Святослава Игоревича, который «не только сам отвращался от принятия христианства по убеждению матери, но жестокий был гонитель и мучитель христиан <...>, но за таковую его жестокость праведная судьба отстпила жестокою и над самим им». Побезжденный печенегами, он «взят был сам живою в плен со многими везенными им из Греции сокровищами, и тогда победитель печенежский князь Курес, а по иным Редиря, велел отсечь ему голову и из черепа оной сделать себе питьеую чашу, обложив золотом с надписью таковою: ищай чуждаго свое погубляет». Вывод Мальгина был категоричен: *«Война права и полезна только бывает ради наивящаго утверждения мира и благоденствия государства, а не для тщеславия государей, крайне тем вредоносных и достоинненавистных как человечеством, так и самим богом мира, мстителем за пролитие неповинной крови, за страдание народное, за причинение различных бедствий и зол. Жестокий жестокий и конец бывает, как всегда видим в зеркале правосудия божия — сей ответ и истину со бытными. Благополучен внимающий, разумевающий и творящий благое от полезнаго поучения истории, безмездной наставницы во всякое время и при всяком случае»* (с. 76).

Замысел крещения Руси Мальгин приписывает Ярополку Святославовичу, который «к христианам же милостив и сам к принятию сего закона и веры удобь преклонен был; но, с одной стороны, по малодушию опасался народа, в язычестве закостенелаго и по оном твердо борствоваващаго, а с другой — по печальной перемене счастья, благосостояния своего и безвременной кончине учинить того не мог и не успел» (с. 79). Логическим завершением деятельности Ярополка и стало принятие христианства Вла-

димиром Святославовичем: «О сем его желании Владимир звав, сожалев и раскаявшись после о бедственной его смерти, как бы в удовлетворение по крещении своем и России кости его и Ольговы вынув из гробов, их крестил и по христианскому обряду погребение им учинил в Десятинной церкве. Таковое действие по пным бытописателям приписывается Ярославу Владимировичу, в 1044 г. учиненное, по тем или другим однако справедливое и вероятное по тогдашней к вере горячности. Впрочем, о существенной сего действия пользе решить человеческому разуму кажется и неудобно и невозможно» (с. 80). Несмотря на проявленное в последнем предложении вольномыслие, Мальгин показал, что принятие христианства было единственным путем, извлекавшим Владимира из «бездны языческого нечестия и разврата». По словам Мальгина, крещение Руси тот предпринял, «омерзив уже самому естеству и разуму толь ограниченным сладострастием языческим» (с. 89).

Особую значимость Мальгин придавал венчанию на царство Владимира Мономаха, считая это событие не менее важным для России, чем принятие христианства. *«Сие царственное венчание, — добавлял он, подготавливая четвертое издание, — кажется, было предвестительным знамением о преложении титла, достоинства, чести и венца Греческой империи на Всероссийскую <...> Греция, не ощущая сама, передавала собственными руками державу и права свои России. Иоанн III Кюпитель и Великий по союзу супружества своего с греческою княжною прикрепили России греко-римский герб двуглавого орла, объявив себя торжественно повелителем (императором) всероссийским; а Петр Великий по дару глубокого разума и проницательности сие высокое отличное и громкое титло утвердил за собою и преемниками своими на вечныя времена»* (с. 146).

Высоко была оценена Мальгиным «Русская правда», в то время как этот памятник не рассматривался даже в таких трудах, как «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова и «Российская история» В. Н. Татищева. Повествуя о «Русской правде», Мальгин сделал вставку о необходимости возникновения законов («Свои или заимствованы откуда были»): «*Без них никакого правление и власть существовать не могли; а без сомнения утрачены и до новейших веков не дошли. Утрата великаго сожаления достойная, не лишает вероятия, что подлинно были заимствованы или сходствовали с греческими, ибо соседство и торговля непременно того требовали. Общежитие и гражданство всегда имели во внутренности какой-либо порядок, учреждение или уставы, естественные и нравственные, коренные и случайные»* (с. 111).

Несмотря на сохранившийся до середины XIX в. непрекращаемый авторитет предпринятого И. П. Болтыным издания «Русской правды» 1792 г.,⁶⁵ Мальгин уже в 1793 г. считал, что памятник

⁶⁵ *Валк С. Н.* 1) Русская правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М.,

дошел до нас исключительно в отрывках, и выражал надежду на открытие в ближайшем времени других списков, хранящихся у не желающих их публиковать коллекционеров. Последних Мальгин, почти сразу же вводивший в научный оборот материалы своих коллекций, рьяно порицал: «Надобно паверное думать, что прочие онаго части или тленшем во все уже утратилися, или еще не отысканы, или находятся в руках, паче же в сундуках и поставцах неусердных к пользе и славе отечества любопытников, владеющих сими сокровищами завистливым оком и несытым сердцем, но без всякаго употребления, кроме одного самохвальства, что у него и то и то есть *редкое*, а другим ни за что и к самой пыли того прикасаться не даст. Что в таком охотнике? Все мертво, и я ничего другаго, к крайнему сожаленню, не предвижу, кроме внезапнаго и невозвратнаго несчастным случаем потеряния всего собраннаго и бесполезно хранимаго таковым завистником. *И подлинно, какой конец весьма жалкий? У любителя скупаго все почти собранное сокровище, кроме самой малой части, на время другим сообщенной, в 1812 г. при нашествии галлов в Москве в прах и пепел обратилось*,⁶⁶ а у другаго любителя, т. е. г. Татищева, еще прежде вскоре по смерти его таким же образом истребилось. Ничтожные плоды суетности и хладности к отечеству! Да научатся от сих злополучных при-

1960, с. 125—149; 2) Еще о Болтинском издании Правды русской. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 324—331.

⁶⁶ Следует отметить, что этическая сторона способов пополнения А. И. Мусиным-Пушкиным (на которого намекал Мальгин) собственной коллекции за счет изъятия рукописей из церковных и государственных хранилищ встречала неодобрение современников, в частности Румянцевского кружка (см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 83—84), однако среди его членов в данном вопросе не было полного единства — П. М. Строев, например, даже превзошел Мусина-Пушкина в подобных методах приобретения памятников (см.: *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 184—203; Л., 1977, т. XXXII, с. 133—164). О гибели собрания Мусина-Пушкина Мальгин мог знать из его автобиографии, опубликованной К. Ф. Калайдовичем (Записки для биографии его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы, 1813, ч. XXV, с. 76—91); напечатанная анонимно, она вряд ли могла пробудить симпатии Мальгина к способам коллекционирования Мусина-Пушкина. Последний сам признавался в письме к Д. Н. Бантыш-Каменскому от 1 ноября 1813 г.: «... в оном есть такие обстоятельства, кои кроме меня никому не известны <...> а то б всякому неблагопадежному было чем запереть рот, того способа я злодеем (т. е. Калайдовичем, — М. Л.) лишен: вот что для меня весьма неприятно» (Русская старина, 1904, № 9, с. 646). Историю пропикновения в печать сведений о собирательской деятельности Мусина-Пушкина см.: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский древограф и «Слово о полку Игореве»: К истории сборника А. П. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976, с. 5—18. Вопрос о правомерности обладания частным лицом ранее принадлежавшими церкви или государству рукописями в конце XVIII—начале XIX в. носил довольно щекотливый характер, что прекрасно осознавал и сам Мусин-Пушкин, см.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980, с. 26—31.

жёрвов прочие самѡлюбивыѣ охотники не присвоять себе единственных приобретенных редкостей и древностей российских, но жертвовать ими отечеству! Сколь много, к несчастью, таких случаев и примеров уже сбылось, а российская повесть чрез то лишилась навеки единственных и самых редких подпор своих, силу и важность в себе заключающих. Вот одна из первых причин, что мы или в самой истине событий сомневаемся, или доказать оной ни чем не можем» (с. 112).

Отметим, что надежды Мальгина на открытие новых, более исправных списков «Русской правды» почти сразу же сбылись: в первом десятилетии XIX в. ряд их был открыт Н. М. Карамзиным, сразу же сообщившим о них в «Истории государства Российского», и К. Ф. Калайдовичем, опубликовавшим их вместе с вариантами к изданию Болтина.⁶⁷ В 1810-х годах проблема поисков списков «Русской правды» и составления сводного комментированного издания занимала умы многих исследователей. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) 23 сентября 1813 г. писал В. Г. Анастасевичу: «... списки Русской правды повоотыскиваемые умножаются, а мы о сию пору не имеем еще полного издания ее».⁶⁸ Прозорливость Мальгина опередила события почти на два десятилетия.

Готовя четвертое издание «Зеркала», Мальгин внес пространное дополнение о повонайденном в 1792 г. так называемом Тмутараканском камне князя Глеба Святославовича: «Сей князь достопамятен измерением Босфорскаго, или Таврическаго, пролива, как найденный в 1793 г. на острове Тамань в развалинах древней Фанагории белый мраморный камень с такой надписью доказывает: в лето 6575 (1068) VI индикта с<в>. Глеб мерил по льду моря путь от Тмутараканя до Керчева 8054 сажени. И кто бы поверил сей истине онаго памятника? Так многие отечественной нашей повести истины имеют истребления, или еще от неоткрытия подобных сему памятников кажутся быть сумнительными наипаче таким людям, которые ни в глубину бытописаний, ни в суть событий, ни в уважение древних деяний не вникали, а судят по своим только понятиям, нимало не основательным, а здравый рассудок как бы тяжким бременем для себя почитают. Они хотяя почти того, чтоб для вероятия их самая небеса наклонялися, а не они на них взирая рассуждали о существе предметов. Такие не могут быть ни повествователями, ни читателями. Сему пороку особенно подвержены иностранцы или питомцы и подражатели их некоторые русские, русскаго не любящие, но сие гордость ли или невежество их означает, да судит благоразумный читатель сам?» (с. 117).

⁶⁷ См.: Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. М., 1815, ч. 1, с. 26—27; Козлов В. П. Колумбы российских древностей, с. 113—116.

⁶⁸ Русский архив, 1889, № 4, с. 72.

Основываясь на самом первом прочтении надписи А. И. Мусиным-Пушкиным,⁶⁹ где из-за палеографической ошибки число саженей было подсчитано неверно (последующие неправильное⁷⁰ и правильное⁷¹ ее прочтения Мальгин игнорировал), он не оставил без внимания и обличения все домыслы скептиков, возникшие сразу же после находки Тмутараканского камня.⁷² Отсутствие сведений о найденном в 1792 г. Тмутараканском камне в третьем издании «Зеркала», неверная датировка находки в подготавливаемом четвертом издании позволяют предположить, что известие о ней Мальгин получил не от первооткрывателя, бывшего его сочленом по Российской Академии, а из напечатанного в 1794 г. его труда. В то же время в своих добавлениях Мальгин ни слова не сказал о другом драгоценном памятнике отечественной истории, введенном в научный оборот тем же Мусиным-Пушкиным, — о «Слове о полку Игореве». Как было показано выше, причиной этого, по-видимому, являлась неприязнь Мальгина к высокопоставленному коллекционеру, а не сомнения в подлинности «Слова», которое он считал образцом необычайно высокого поэтического мастерства Древней Руси.⁷³

Сколько различными были размеры и состав коллекций Мусина-Пушкина и Мальгина, столь различным был и их вклад в отечественную археологию. Если заслугой сановного коллекционера явилось открытие знаменитого Тмутараканского камня, то на счету более скромного собирателя — обнаружение менее древнего Роговолодова камня (иначе — Борисоглебского, Оршанского).

Около 1814—1815 гг. Н. П. Румяшцев в третьем издании «Зеркала» на с. 168 прочел о найденной на камне близ Орши надписи о том, что внук Владимира Мономаха Василий Святославович

⁶⁹ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794, с. 58.

⁷⁰ См.: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Süde: Statthafthen des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801, Bd II, S. 293—297.

⁷¹ См.: Оленин А. П. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину: О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году. СПб., 1806, с. 5.

⁷² Подозрения возникли сразу же после находки и существовали в виде домыслов и слухов; в печати эти подозрения были высказаны лишь после смерти Мальгина (см.: Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии. — Отечественные записки, 1826, ч. XXV, с. 446—452; Аруцбадзе Н. О Тмутаракани. — Труды Общества истории и древностей российских, 1828, ч. IV, кн. I, с. 80—101); скептический взгляд на подлинность надписи сохранился в трудах некоторых отечественных (Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969) и зарубежных ученых (Mazon A. et Laran M. Quelques données historiques sur Slovo d'Igor et Tmutorokan par M. I. Usrenski (1866—1942). Paris, 1965; Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1970, p. 76—77). Подлинность надписи в настоящее время доказана, см.: Санышев Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976, с. 457—471; Медушцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.

⁷³ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 254—255.

скончался 6 мая 1171 г.⁷⁴ «Граф Николай Петрович неоднократно обращался о сей надписи с вопросами ко всем антиквариям и историографам, к книжникам и учителям, живущим в столицах и вне оных, и писал об оном и в Оршу. От многих получил он в ответ учтливое обещание стараться об отыскании помянутого надгробного камня; от некоторых же уверения, что к отысканию сего камня никакой нет возможности; а от славящихся паче прочих ученостию историков и знатоков древностей решительный отзыв, что таковой надписи никогда и не бывало. Но граф в искании своем не ослабевал»,⁷⁵ и надпись в скором времени была вновь найдена вице-ректором Оршанской иезуитской коллегии — неким «Десидерием Ришардетом». Роговолодов камень привлек внимание митрополита Евгения (Болховитинова). В помещенной в «Северной почте» заметке сообщалось: «Г. государственный канцлер получил по последней почте от одного весьма ученого и в древностях российских сведущаго преосвященнаго архиерея письмо, в коем между прочим сказано: „Искреннейше благодарю вашему сиятельству за сообщение мне и надписи и описания Оршанскаго камня. Сия паходка памятника XII века одна только по сие время у нас после камня Тмутараканскаго. Я подобно господину К. . . думал, что надгробные надписи в древней России не были в употреблении“». ⁷⁶ Заметка эта «подала повод к дальнейшим разысканиям о сем предмете», в результате чего «более 12 любителей отечественных древностей не преминули посетить упомянутый камень, и вот следствие посещения их и внимательнаго обозрения и разыскания». Далее анонимный автор статьи (П. М. Строве?) доказывал, что данный памятник является не надгробной плитой, а обычным пограничным знаком и что надпись на нем относится не к Владимиру Святославовичу, а к полоцкому князю Василию Борисовичу.⁷⁷ Весьма убедительные доводы критика вызвали раздражение Мальгина: «*О действительном сравнении и точности надписи оставляю особливо*

⁷⁴ Сведения о данной надписи в исторической литературе XVIII в. отсутствуют; очевидно, она была открыта самим Мальгиным во время его участия в академической экспедиции 1773 г. в Белоруссию. Заслуга Мальгина не была отмечена современными ему учеными (см.: *Карамзин Н. М. История государства Российскаго*. СПб., 1818, т. II, с. 226); на приоритет Мальгина указывал лишь П. Кепшен (*Кепшен П.* О Роговолодовом камне и двинских надписях: (Перевод статьи из «*Mélanges Russes*»). — Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855, т. III, вып. 1, с. 50—70). Свод литературы о Роговолодовом камне см.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, вып. 1, с. 123—124; *Таранович В. П.* К вопросу о древних лашдарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. — Советская археология, 1946, вып. VIII, с. 249—252; *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с. 26—28, № 17; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, с. 33, № 29. Непонятны причины, побудившие Мальгина отпестить находку памятника к 1792 г.

⁷⁵ Северная почта, 1818, 14 сентября, № 74, с. 1.

⁷⁶ Там же, с. 2.

⁷⁷ Там же, 6 ноября, № 89, с. 1.

удостовериться и судить любителю и знатоку русскому, а не иезуитскому отцу Ришардету. Но честь и слава графу Н. П. Румянцеву за ревностное к отечественному бытописанию усердие. О превратности же толкования и порче российских исторических истин иноплемениками видим и здесь Ришардетов образчик снятия списка с надгробной надписи кн. Василию Полоцкому. Как же можно верить и полагаться на оных, да судит сам благоразумный и беспристрастный?» (с. 165—166).

Следует упомянуть об одном любопытном историческом предположении Мальгина, бывшем, однако, всецело плодом его привычки выдавать желаемое за действительное. Как известно, в отечественной историографии XVIII в. (В. П. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, А. Л. Шлёцер) на основании летописей и «Русской правды» сложилась так называемая «меховая» версия денег, в наиболее законченном виде сформулированная Н. М. Карамзиным: «Славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурками зверей — куниц и белок: слово куны означало деньги». Однако, по его же мнению, меха пушных зверей играли на Руси роль денег лишь в самый начальный период: «Скоро неудобность носить с собой целые шкуры для купли подала мысль заменить оные мордками и другими лоскутками, кунными и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии лоскутки на целые кожи».⁷⁸ Разделяя это мнение, Мальгин критически отнесся к точке зрения Г. П. Успенского, допускавшего существование в Древней Руси металлической монеты отечественной чеканки с изображенными на ней «подлинными лапками и мордками или самими зверьками в малом виде».⁷⁹ Версия кожаных ассигнационных денег безраздельно господствовала в отечественной историографии до середины XIX в., когда она была язвительно высмеяна М. Т. Каченовским: «Баспя о кожаных деньгах, якобы государственной монете, с давних времен владела умами писателей, чужих и наших, и мы вслед за ними, как бы околдованные каким-нибудь безжалостным чародеем, толковали о кожаных лоскутках, о белых лобках, о кунных мордках. К счастью, некому было шутить над нами <...> Допустить существование кожаных лоскутков в разных областях древней России, лоскутков клейменных, обращавшихся вместо монеты, значит то же, что и верить существованию государственного кредита — в такое время и при таких обстоятельствах, когда, по всем соображениям ума человеческого, не мог еще, не говоря о созреть, но даже прозябнуть сей плод усовершенствованного общежития и гражданского устройства. Смело говорю так и утверждаю, вопреки остроумным объяснениям историков, которым кожаные лоскутки, мнимые

⁷⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816, т. I, с. 246.

⁷⁹ Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818, с. 655.

куйбы мордки и белыя лобки представлялись государственными ассигнациями, будто бы отчасу понижавшимися в курсе против металлической гривны». ⁸⁰ Но и в дальнейшей версия кожаных денег разделялась многими видными историками, в том числе С. М. Соловьевым. ⁸¹

Не допускавший и в мыслях свойственного Каченовскому скептицизма, Мальгин без какого бы то ни было сомнения писал о якобы не только виденных им кожаных деньгах Киевской Руси, но и об имевшихся в его собрании монетах, выпущенных княгиней Ольгой. Так, повествуя о сребреннике князя Ярослава, найденном в конце XVIII в. среди привесок на иконе в Киеве и бывшем в собрании Мусина-Пушкина, Мальгин сделал добавление, что эта монета не была древнейшей из известных по тем временам: *«И не только сия одна Ярославова, но и блаженной Ольги обще с сыном Святославом при обоюдном их изображении, каковая медная была и у меня собственно и которой сделал я описание, доказывают, что в России от самой глубокой древности порядочная монета разнаго вида и достоинства существовала <...> Сию любопытную и редкую монету по верноподданническому усердию 1796 г. марта 17 числа > чрез управлявшего тогда Императорским Кабинетом, ныне же г. действительнаго тайнаго советника и кавалера Василья Степановича Попова, имел я счастье поднести изящнейшей любительнице российской истории и древностей всеавгустейшей императрице, в божие почивающей Екатерине Великой. По верному посредству уповаю, что сия поднесенная мною редкая монета конечно хранится и теперь в императорском собрании редкостей и древностей российских, счастливейшим себя почитая, что лента моя удостоена толь высокаго хранилища. Здесь пристойным так же почитаю кратко упомянуть о бывших в старину кожаных деньгах. Оне не были существенною монетою, но знаками оной в разном достоинстве, для удобства в обращении, а может быть и предосторожности от вывоза серебряной чужеземцами. Образец их был круглый, разной величины, из черной кожи с вытиснением званья, т. е. мордки, векоши, куны, полугривны и гривны и проч. Таковых кожаных денег во Пскове хранилось много в некоторых пустых церквах в кремле или дегинце поблизости княжескаго дома, где после находилась духовная консистория. Сего очевидец был я сам во время малолетства моего до кончины императрицы Елисаветы Петровны. На конец все то истлело и истребилось, а воспользовался ли кто образцами кожаных ассигнаций, не знаю. Но я то невежеству ни любопытства, ни понятия о важности сих старинных вещей не имел, почитая их игрушкою, о чем теперь весьма сожалею, но невозвратно <...> Ибо часто теряем мы важ-*

⁸⁰ Каченовский М. П. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской правде. М., 1848, с. 8.

⁸¹ См.: Лучинский М. Ф. Деньги на Руси IX—XII вв.: Против одного ошибочного представления. Казань, 1958, с. 5—46.

ное и полезное от безрассудности, в разуме раскошелываемся тщетно, ищем и не обретаем уже другого случая, а потеря их есть улетевшая из клетки птица» (с. 368, вклейка).

Уверовав в древнейшие кожаные ассигнации, Мальгин соотнес их с так называемыми «кожаными жеребьями» — клейменными кусочками кожи, в большом количестве выпускаемыми в обращение в конце XVII—начале XVIII в. в ряде городов (в том числе в Александрове, Воронеже, Пскове, Серпухове и др.) в связи с отсутствием мелкой разменной монеты и почти полным выходом из обращения серебра.⁸² В своих заблуждениях, однако, Мальгин не был одинок: в начале XIX в. среди коллекционеров носились слухи о найденных в крепостной стене Серпухова кожаных деньгах Киевской Руси.⁸³

Основу исторической концепции Мальгина составляла идея о божественном предопределении и исключительности исторического пути России: «Россия, величайший в царствах Колосс, от глубочайшей древности и по блистательным в благополучии и по мрачным в злосключении обстоятельствам, была удивительным позорищем (т. е. зрелищем, — М. Л.) во вселенной».⁸⁴ Неустанно подчеркивая, что всеми своими достижениями Россия обязана исключительно самой себе, и отрицая значение «помощи» со стороны западноевропейских государств, он наглядно показывал в каждом конкретном случае, что «помощь» эта была продиктована исключительно корыстной заинтересованностью этих стран: «Пройди все времена и рассмотри все случаи в Российской истории, когда только соседняя держава России и государям ее подавали в нужде руку помощи войском; то увидят, что всегда более вред, нежели пользы оным причиняли, обращав помощное оружие свое противу злополучных для собственной корысти и приобретения, а ежели не то, так коликих сокровищ и малая их помощь стоила? Таковые виды могут ли назваться истинным союзом, дружбою, обязательством и защищенем? Россия же всегда инако поступала и поистине пред всеми хвалиться тем имеет право; но и сколь много жертвовала и жертвует своему добродушию, знают только бог и врожденная россиянам честность?» (с. 119—120).

Отличительной чертой России Мальгин считал ее способность претерпеть и преодолеть любое испытание (причины которых, по его мнению, исключительно внешние), включая и наиболее тяжкие, как монголо-татарское иго и Смутное время. О стойкости России в единоборстве с Золотой Ордой он писал: «Но возможно ли в подробности всю великость сих и других высокородных зол изобразить <...> довлело бы [только] только сказать: нет

⁸² См.: Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970, с. 140; Дьячков А. Н., Узденников В. Б. Монеты России и СССР: Определитель. М., 1978, с. 53.

⁸³ См.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей, с. 85.

⁸⁴ Сочинения и переводы... ч. IV, с. 227.

уже России, вся злобою, мечом и огнем истреблена, память ее с шумом погибла, и как бы оставалось только с Вергилием, о Трое и Троянах сказавшем: *Fuimus Troes*, напоминать подобное о России и Россиянах: *Fuimus Rossi*, были Россия и Россияне. Однако Россия, всегда Россия — образ *чрезвычайнаго исполина носящая*, в самом падении своем, в сильном поражении под тяжким игом, в странных единому токмо воображению, колыми паче притерпению, злключениях и, казалось, и самим делом еще не была великою, непоколебимою и как бы ничем побежденною быть не могшая. *Она как феникс из пепла своего возрождалась, во мгновении юнела в красоте, возрастала в доблестях, укреплялась в благодати — паче и паче силою могуществом, толико ныне блаженственными и страшными врагам, полезными же и благоприятельными друзьями и союзникам верным. Сея преимущества ея никто помрачить и отнять не может*» (с. 23).

Источник побед России Мальгин видел исключительно в духовном превосходстве русского человека над противниками. Имея в виду плененного врагами патриарха Филарета Никитича, отказавшегося от освобождения ценою уступки ряда русских городов, автор писал: *«Кто паче Россиянина [оное] такое свойство имеет и такое дело учинить может? Не помрачена ли тем римскаго регула и ему подобных слава истинными российскими ироями? Конечно, древний Рим и Греция ничем вящим против России похвалиться не могут*» (с. 472). С другой стороны, все поражения русских войск, как уже отмечалось, Мальгин либо обходил молчанием, либо порицал неприятелей за вероломство, коварство и измену. Наиболее наглядно это проявилось в описании победы шведских войск в битве при Нарве (*«Есть ли можно так назвать победою»*), одержанной, по его мнению, лишь *«через измену главнаго российского военачальника Огильвия и прочих иностранцев»* (с. 531). Зато полтавская победа доставила Мальгину подлинное торжество: *«И так ученики над учителями, презираемые над презира [вшими] теллями, мнимые пленники и рабы над самоменными победителями и Российскаго царства мысленными завоевателями и стяжателями всего взяли толь знаменитый верх; славное же их многочисленное оружие в корысть и оруженосцев в плен себе получили. Вот чем кончилось свейское о завладении России, о назначении преждевременно чиновников своих к управлению областей и о приобретении себе великаго богатства предварительное самохвальство. О пагубное самохвальство, ты прельстило, ослепило, в ту же сеть ввергло и пылких галлов, обладать Россиею чаявших, но не владычество, а непогребенный гроб и огненные костры трупам своим в ней нашедших! Свеям 1709, а галлам 1812 год вовеки будут памятны, окаянны, страшны. Буйные франки вступили в Россию в полумиллионе или более пешаго и коннаго войска и почти с полутора тысячью пушек; но бедственно убегли едва ли около 100 000, а пушек обратно вывезли с небольшим сотню. Вся сила в прах и корысть, а слава их в срамоту и поношение вечно обратились.*

Таковы всегда плоды неправды, гордости и самонадеяния! Разумейте языки — с россиянами бог, а в России святыня его» (с. 634).

Сторонник идеи просвещенного абсолютизма («Государския и государственныя добродетели суть единственное основание непоколебимой твердости, божиего благословения и благоденствия народов вовеки» — с. 209), Мальгин рьяно порицал многоначалие, выражалось ли оно в виде удельного правления или ограниченной монархии, и подчеркивал непригодность подобного пути для России: «Поистине древние и новейшие примеры доказывают, что многоначалие столь же вредно, разорительно, пагубно и опасно падению государства, сколь и безначалие; но оба суть *дебелый и скорорастигельный* корень беспорядка, неустройства и слабости, весьма горькие плоды рождающих» (с. 227). Он писал: «*Коль подлинно великое и самое высочайшее в государе достоинство — ревность в благочестии и благочестие в разуме духовной мудрости и мудрость во славу божию, во спасение человеческое, в утверждение царства и святыни господней. Пример истиннаго просвещения, достойный и новейших времен и просвещеннейших особ и отличнейших царей! Сия то слава есть истинная и вовеки пребывает, про ее все по призванию Соломона суета сует»* (с. 364). Образцом достоинств самодержца Мальгин избрал «без запальчивости человеколюбивого» Ивана Грозного: «*Великий государь, для [России] народа же правосудием припомянутый. Впрочем, таковая его запальчивость, свойство более несчастное и сожаления достойное, нежели предосудительное, весьма скоро проходила и погасала в нем; после же [бывав в себе самом] прихода в себя самого всегда крайнее имел о чрезмерной крутости своей и о злодеянном [и чрезмерном] сокрушении, раскаяние и всевозможное делал удовлетворение, что ясно означает доброе его сердце, но несчастливое сложение и воспитание»* (с. 409—410).

Если в екатерининское царствование Мальгин слепо образ сильного монарха и оправдывал даже жестокость Ивана Грозного, возводя ее в некую ипостась «царской мудрости», то последующие события, в частности правление Павла I, заставили Мальгина ввести в повествование об Иване IV существенные оговорки: «*Некоторые примечают, что царевич и митрополит имели намерение к низложению царя за его жестокости; но точная истина в сумнении и ничем не доказана, кроме смерти обоих, от сего предлога последовавшей. Коль часто высокая святая добродетель — правосудие обращается в жестокость и порок государем от неискуснаго и крутаго употребления оной ими самими, или от скользкаго понятия, от угодительнаго ласкательства, от пристрастия и безрассудливости исполнителей, иногда слепо, иногда злонамеренно власть и справедливую меру правосудия употребляющих! Итак истина, благоразумие и осторожность должны быть руководителями правосудия. И сия то есть царская мудрость первая обязанность»* (с. 409). Подлинную же

государственную мудрость Мальгин видел в деятельности монархов-законодателей — Ярослава Владимировича, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II и Александра I. Последовательно проводя мысль о том, что истоки государственного строения современной ему России восходят к царствованию Алексея Михайловича, Мальгин считал вершиной его деятельности и образцом для последующих государей «Уложение»: *«Коренной сей закон писан ясным, кратким и точным слогом, который по примерной выразительности прямого смысла и силы содержащихся вещей может быть сразумителен ученому и неученому, грамотному и безграмотному, без всякаго недоумения, толкования и подборчивости криводушных людей. И по всей справедливости и очевидной пользе долженствует служить примерным образцом в подобных сочинениях, требующих естественной простоты, сущности дела и истины, а не витийства и тонкостей в словах и разуме»* (с. 435).

Одним из главных достоинств самодержца, по мнению Мальгина, должно являться человеколюбие, которым он щедро оделяет как Петра I, так и Анну Иоанновну. Повествуя про смерть Петра I от простуды, Мальгин подчеркивал: *«Оную получил при самоличном спасении нескольких утопавших в бурю служивых, ходив в самые морозы по груди в воде для помощи погибавшим. Вот сколь велика была любовь Петра Великаго к человечеству, и где подобный пример сыскать можно?»* (с. 523). Весьма идиллически рисует Мальгин и царствование Анны Иоанновны, «как бы жезлом железным и палицею медною Россию, собственное свое отечество, управлявшей», с помощью «изрядного мучителя» Бирона: *«Тогда как ржею железо сердца сокрушались, [здесь радость на челах блистает] а ныне свобода невинная, искренность незлобивая и обращение незазорное, откровенное, благопристойное на устах и челах процветают. Все радуются и веселятся в такое благовремение искренно о царе своем»* (с. 573). С большой теплотой Мальгин показывает деятельность Петра III, в частности упразднение им «ужасной и пагубной Тайной канцелярии». Умению автора обходить острые моменты не столь отдаленного от него исторического времени сказалось в том, что в конце пересказа манифеста об отречении Петра III осторожный в своих выводах историк написал по поводу его кончины: *«Здесь да умолкнет всякий глас и благоговеет всякий ум человеческий»* (с. 585). В позднейших дополнениях с сочувствием говорилось о предпринятом Павлом I перезахоронении Петра III; отметим, что замысел Павла, оставшийся непонятным для большинства его современников,⁸⁵ Мальгиным был передан относительно верно (с. 583).

⁸⁵ См.: Кумпан К. А., Паперно И. А. К дешифровке позиции мемуариста: (Павел I в записках Н. А. Саблукова). — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1975, вып. VII, с. 145.

Участь отстраненного от престола Иоанна Антоновича, который *«обреченен был многими душевными и телесными недостатками и всякой способности [был] к общежитию лишен»*, по Мальгину явилась совершенно естественным следствием его неспособности к государственной деятельности (*«по невразумительному косноязычию, по совершенной тупости в общем понятии, по крайней помраченности ума и сущей дурачности не имел он и самого малаго смысла и разума человеческого»*). Выводы Мальгина почти дословно пересказывали официальный манифест о его смерти: *«Истины того свидетель очевидный был император Петр III, который по восшествии своем на престол не преминул посетить сего несчастнаго князя в его заключении под скрытым лицем и, тронутый плачевною его судьбою, оставил его с намерением только по возможности облегчить оную. О сем сам император тогда же многим знатным особам объявил, а от них и прочим известно стало с удостоверением точной сущности дела. Претязостное подлинно состояние и самой смерти несноснее, когда человек на человека не походил!»* (с. 508). Вполне в духе официальной версии обрисован Мальгиным самыми черными красками и заговор Мировича, рассказ о котором он закончил следующим правоучительным выводом: *«Вот как оканчиваются коварныя, промысла и помощи божией чуждыя предприятия и начинания! когда начало зло, тогда и последствия бедственны и конец погибелен»*. Причину заговора Мальгин видел в *«злобе»* Мировича: *«Оная состояла в том: 1) что незадолго перед тем отказано было ему в прошении о возвращении предковых имений, за измену их отписанных; 2) что по чину своему не впускаем был в императорские чертоги и 3) сколь осмелительно в мечтаниях честолюбие, на все дерзающее, всяк знает сам»* (с. 507—508). Вообще лица, пытавшиеся изменить predetermined им жизненный путь, будь то Мирович или Отрепьев, не пользовались симпатиями Мальгина, с удовлетворением писавшего о кончине расстриги-самозванца: *«Достойный обману и беззаконию конец, всегда и везде сбывавшийся таким или подобным образом»* (с. 437). Идеалами Мальгина были смирение и покорность собственной участи как сильных мира сего (*«Земное смирение царей и пастырей церкви производят небесное возношение и сугубую главу во всей временности и вечности. Благочестие их всегда благоприятно, назидательно, священо, достоблажимо. Они суть светила духовной вселенной, вожди по просвещению ко спасению, по блаженству в благодати божией, все совершающей»* — с. 329), так и всех прочих: *«Всякое гражданское состояние должно иметь свои пределы и пребывать непременно в том звании, в которое кто свыше призван и поставлен для общественной связи разумного мира. О тогда бы сие во всякое время исполнялось в точности! И коликое было бы на Земле блаженство, произвольно теряемое!»* (с. 132). Поэтому попытки переменить свое состояние за счет «случая» решительно порицались Мальгиным. Так, например, описывая постигшую в 1730 г. Долгоруких опалу,

он заметил: *«Здесь непреложна и очевидна истина Спасителевых слов: внюже меру мерите, отмерится и вам. Для разумнаго до-вольню и поучения и примеров, как честолюбие, зависть и несогласие низвергаются, а гордым прогивится бог и сильных сокрушает в надмении. О, коль смиренность всегда благонадежна, спасительна, благословенна во всем и во всех!»* (с. 567). Ранее (с. 562) почти такие же выводы были сделаны о падении Меншикова.

Долгом государя, по мнению Мальгина, является служение благу народа, и он последовательно проводил мысль о необычайном способствовании трех последних царствований (Екатерины II, Павла I и Александра I) народному развитию. Зачастую в дополнениях подчеркивалась прямая связь между правлением Екатерины II и Александра I: *«Величие и дух ея вселился и обитает ныне в возлюбленном ея и благословенном внуке, высоком ученике мудрости ея, ревностном подражателе и производителе преславных дел, смиennemудром нашем самодержце»* (с. 48). Однако с течением времени конкретная установка «Зерцала» изменилась: при подготовке четвертого издания в ряде мест «великая Екатерина» была заменена на *«смиennemудрого Александра»* (с. 35, 41, 47, 48 и др.); в других случаях были опущены неумеренные похвалы Екатерине II (с. 556 и др.) и пышное ее титулование, занимавшее более двух страниц (с. 587—589).

Лишь государь, ясно осознающий всю значимость стоящей перед ним задачи, может, по мнению Мальгина, преодолеть порочность человеческой натуры; этим обуславливалась и необходимость достоверного и правдивого описания душевных свойств и деяний монарха: *«Коль часто и вредно неиспытанная благоразумием наружность обманывает нерассудительных и скорых к заключению по оной в сущей истине! Наипаче бытописателям должно быть в том весьма осторожными, дабы и самим не обмануться и потомства не обмануть, но, к общему несчастью, нередко неумышленно и неизбежно и то и другое вкрадывается, ложно утверждается и неискусным преткновению подвергается в вероятии о справедливости»* (с. 560).

Характерно, что «Зерцало» проникнуто полным неприятием католицизма за его петерпимость к другим вероисповеданиям: *«Ревность католиков в истреблении противных себе исповеданий, о распространении же и утверждении повсюду своего, везде видна под топким покрывалом хитрости и ловительства. Называясь самым истинными христианами, повсюду гонят, вредят и истребляют, где только могут, для собственного владычества, любочестия и корысти несогласных себе исповедников; и то ли есть прямая любовь христианская и долг к подобному себе человечеству, чтобы ненавидеть брата и ближняго своего, хотя и язычника, и таким ли подобает истинному христианину быть, хвалиться и славиться? О таких славнейших из языческих любомудрцев справедливо сказал: „Ничего пет славнее христиан, когда говорят; по ничего беднее, когда делают“»* (с. 410).

Весьма сожалел о том, что *«время стирает и самую истину того или другого события»* (с. 287), Мальгин придавал большое значение открытию новых памятников: *«Отечество наше паче прочих удивительным множеством доднесь сохранных древних бытописаний и редкостей всякаго рода действительно хвалиться и преимуществовать пред другими может <...> Ибо много еще и теперь скрывается оных под спудом или невежества, или недоброхотства, или любостязательнаго самолюбия»* (с. 270). Что же касается привлекаемой Мальгиным литературы, то наиболее часто и с особенной любовью он ссылается на «Записки касательно российской истории» Екатерины II, которые, по его мнению, *«суть изящное и приснопамятное творение <...> предпринятое и почернутое из самых чистых и достоверных источников в пользу державнаго ныне внука ея Александра I, а потому всякой веры, чести и основания достойное»* (с. 226). Кроме того, он ссылался также на «Краткую церковную историю» Платона (Левшина), на «Историю российскую» М. М. Щербатова, на «Записку» Б. П. Шереметева, на «Историю Петра I» Вольтера и на собственные свои сочинения (с. 9, 368, 584). Рассказывая о судьбе М. А. Меншиковой и Ф. В. Долгорукова, Мальгин отсылал читателя к книге *«Князь Д... и Княжна М... или верная любовь по смерти. Соч. Авг. Лафонтена. Москв. 1804 г., достойна любопытства и внимания о превратности счастья и постоянности любви»* (с. 562).

В отдельных случаях Мальгин пытался отнестись критически к сообщаемым им фактам. Так, например, он писал о кончине князя Олега, *«последовавшей якобы от угрызении змии в ногу из головного черепа любимого его коня. Он будто бы нарочно пригвоздил на то место, где остов того коня лежал, или по любопытству или пристрастию, а наипаче ради посмеяния над возвещенным ему прежде от языческих гадателей предсказанием о приключении смерти от своего коня. Достойно ли сие вероятия, да судит всякий сам, а дело возможное, хотя и на басню похожее»* (с. 57). Пересказывая далее рассказ летописи о явлении «светозарного столпа (конечно, особого вида радуга)» при погребении Игоря Олеговича, Мальгин скептически добавил: *«О вероятности сего сказания читатель да судит сам по естественному событию и по случайному всколебанию умов, а может быть и по раскаянию мечтательному»* (с. 175).

Подчас отсутствие аргументации заменялось апелляцией к рас судку самого читателя (*«... чему весьма много есть примеров, но приводить оных не имеем пужды, которые могут весьма скоро встретиться в мыслях самого читателя»* — с. 12), причем в некоторых случаях последнему предстояло весьма нелегкое испытание: *«Какой удивительный оборот брачнаго союза, всякий удобно сам расчислит»* (с. 353). Предлагаемые же им ассоциативные связи порой способны были поставить в тупик самый проницательный ум; так, сообщая о падении Константинополя 29 мая 1453 г., он писал: *«Достойно примечания, что сие случилось»*

в то же самое число, когда греки взяли пресловутую Трою. Имей разум, да разсудит о сем сам, коль праведны весы божия правосудия» (с. 365).

Многие добавления носили конкретный характер, однако Мальгин никогда не указывал их источник. Так, например, он уточнял сумму вклада: «Святослав Ярославич на созидание Киево-Печерской церкви знатную дал сумму, т. е. 100 гривен золотом» (с. 123). Смерть Изяслава Давыдовича была описана благодаря новым подробностям с совершенно иных позиций: «... уязвлен был [копием и саблею киевского полководца Волбора от брата, погребен в Киеве Копырева копца в монастыре св. Симеона] саблею в голову и копием в ногу, скончался, погребен в Чернигове при церкви Бориса и Глеба» (с. 191). Описание кончины Александра Невского (митрополит хотел вложить в руку его «обыкновенную прощальную грамоту усопшим», но рука сама взяла грамоту: «Неверующий же да не верит, и сквернящийся да сквернится» — с. 279) непосредственно восходит к «Житию Александра Невского». ⁸⁶ К «поразительному удару тростию» Иваном Грозным своего сына Ивана Мальгина сделал следующее примечание: «... во гневе, а не от злости уразил тростию из своей руки, от чего вскоре оный и скончался с великим раскаянием, сожалением и слезами огорченного отца» (с. 409).

Конкретизация была призвана подкрепить отдельные выводы Мальгина. Например, повествуя о событиях Смутного времени, он вновь вернулся к вопросу о корыстной заинтересованности западных держав, предлагавших свою помощь России, и уточнил размеры понесенных ею издержек: «Достойно любопытства и примечания знать, сколько Россия сим союзникам (т. е. Швеции, — М. Л.) за оное войско платила жалованья в каждый месяц, а именно: рядовым каждому конному 25 ефимков, пехотному по 12, военачальникам, двум подчиненным каждому по 4000, главному по 5000, прочим же чиновникам вообще всем по 5000, итого по 100 000 ефимков со дня вступления в границы Российския до обратного выступления; в Москве же против того вдвое. Дача сия производима была главному их военачальнику впредь за каждый месяц; сколько же составит в год, читатель, сам помножив, заключит как о тогдашней необходимости для России в такой помощи, также и о великости награды, вовсе не уваженной, а еще к большей поманке насилем повод подавшей. Сверх того подводы и кормы даваны казенные или обывательские, так да судит сам читатель о справедливости свейских требований за военные убытки» (с. 452).

В своих добавлениях Мальгин учитывал и изменения, происшедшие со времени выхода в свет третьего издания «Зерцала»; так, он счел нужным исправить, повествуя про количество по-

⁸⁶ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века: «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 179.

томков Ивана Сусанина (по его написанию — Сусапова): «Обитают пыне [до 146] более 150 душ Плесского уезда в деревне Коробове в 35 верстах» от Костромы *обельными, т. е. от всяких податей и повинностей свободными*» (с. 469). Иногда приципа исправлений, сделанных Мальгиным, неясна. Так, если согласно третьему изданию «Зеркала», количество судов, участвовавших в походе на Царьград, равнялось 200, то в четвертом издании оно составляло уже 2000 (с. 52). В необходимых случаях время действия переводилось из будущего в настоящее: «Христианство, поныне процветающее и плоды свои [некогда показать] должествующее» по учению Спасителя приносящее» (с. 93).

В большинстве случаев Мальгин заканчивал повествование нравоучительными сентенциями типа: «*Коль часто разум побеждается страстями и коликих требуется подвигов соделать его государственным над оными*» (с. 311), «*Коль глубоко вкореняется злоба и месть у злобных и жестоких людей от природы*» (с. 313) и др. Большинство лиц получило окказиональные определения: Владимир Мономах — «*благоразумием [отличный] отличнейший*» (с. 13); склонный к католичеству киевский митрополит Исидор — «*притворный агнец благочестия и сущий волк разврата духовного*» (с. 364); Григорий Отрепьев — «*известный царственный лицедей, толико всех и себя самага помрачивший, был явный, несумнительный и наглый обманщик и отважный изверг*» (с. 435); Марина Мнишек — «*любострастница, лжецарица и прелюбодешца*» (с. 437); Ломоносов — «*Российский приснопамятный Цицерон и Вергилий*» (с. 283); российское войско — «*всегда почти победоносное*» (с. 355); представители орды — «*злобные, мстительные и хищные*» (с. 400).

Подготавливаемое Мальгиным четвертое издание «Зеркала» несло в себе отзвуки всех важнейших дискуссий отечественной историографии своего времени. Не был обойден автором и вопрос о происхождении слов «Русь» и «Славяне». В это время уже был издан переведенный по высочайшему повелению Д. И. Языковым труд А. Л. Шлёцера, где «некоторые историки русской словесности» подвергались едкой критике: «Пусть отстанут они от словопроизводства, как они еще и по сию пору почти все без исключения пристращены к оному: оно слишком презрительно для наших исторических дней! Пусть не потеют более над тем, что значит Славенин, Русь, взятое за имя нарицательное, а того менее пусть отыскивают при русских именах равнозвучные слова в венгерском, персидском, арабском и пр. языках и выводят из них следствия, от которых можно испугаться».⁸⁷ Однако доводы «завистливого чужеземца» не смогли поколебать убеждений Мальгина, и он упорно отстаивал отвергнутую уже в конце XVIII в. версию о происхождении слов «Русь» и «Славяне» от имен мифиче-

⁸⁷ Шлёцер А. Л. Нестор, русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809, т. I, с. 428—429.

ских князей Руса и Славена: «Россия так названа, конечно, не от Варяго-Руссов именно, но от князя Русса или от Русы-города (с. 15). Подобное мнение в 1810-е годы вновь явилось объектом полемики. Г. П. Успенский, например, писал о крайней пелепости мнения о происхождении слов «Славяне» от «слово» или «князя Славена», однако высказанные им самим догадки мало чем отличались от тех положений, с которыми он боролся;⁸⁸ напротив, В. Н. Каразин вновь сделал попытку вывести происхождение «Славян» от «слово».⁸⁹

Мальгин рьяно отстаивал свое мнение о происхождении ряда личных имен, этнонимов и топонимов от греческого или восточных языков, но никак не от скандинавских, называя последнее мнение «бреднями, прельщающими только детей и ветреников» (с. 50). Так, по поводу имен Осколд и Дир («Дийляр „Бог гневный или ярый“») он пояснил: «Имена сии, конечно, не скандинавские, и северные любословы за них не вступятся. Итак корня их искать должно в греко-славянском материке, что оставляю другим или времени» (с. 51). Следует признать осторожность выводов Мальгина. Гораздо более категоричности содержалось, например, в письме С. В. Руссова в редакцию «Сына отечества» по поводу доклада В. В. Капниста «Изыскание о гипербореанах и о коренном русском стихотворении»: «... греческий язык есть не иное что, как испорченный древний славянский <...> слова поэзия, поэт, поэма очевидно происходят от славянского глагола *петь, пою, поет*; эпопея — от сложного глагола *попеть*, а *ода* — от восклицания восхищенных слушателей: *о да!*; *Омир* — от *о мир*, а *Пиндар* — от горы *Пинд* + суффикс *ар* в словах *гончар, столяр, бо-чар*». Отсюда следовали вывод о том, что «Омир <...> получил воспитание в нынешней Малороссии», и ряд других, которые редакция нашла «сильными и основательными».⁹⁰ Этноним «Сарматы» (или «Сирмиды») Мальгин объяснял как «составленный из слов Сир и Мид Сирских мидян восточного племени пришельцев» (с. 28—29); о Волжских Булгарах он писал, что «к сему народу причисляются особия онаго поколения, а именно Арип-Вотяки, Керсеси и Мердасы-Мордава, Моксели-Мокшапе, Хвалиссы-Астраханцы, от коих Каспийское море Хвалынским прежде именовалось и ныне слывет, и прочие некоторые не весьма знатные, или ныне уже и неизвестные». К слову «Хвалиссы» Мальгин дал следующее примечание: «Потомки первых насельников сего края, выходцев из Сиро-Мидии Халибов или Халибсов, одного или сродного племени со Славянами. Итак, с достоверностию утверждать можно, что народ Хвалиссы и море Хвалыское, или Хвалынское, с переменою некоторых букв по народному упо-

⁸⁸ Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских, с. 765—766.

⁸⁹ Каразин В. Н. О имени славян. — Труды Московского общества любителей российской словесности, 1818, ч. XII, с. 79—86.

⁹⁰ Сын отечества, 1814, № 51, с. 229—232.

треблению от имени Халибсов происходят. Вот как время изменяет и собственные и нарицательные имена народов и мест, звуки произношения, силу и значение слов и самих языков, почему весьма трудно доходить до истинных или главных корней, а и нашед оныя, переменить употребление» (с. 34).

Для подтверждения своих выводов Мальгин пользовался вспомогательными историческими дисциплинами. Пытаясь укрепить свое утверждение о независимости происхождения Русского государства от «скандинавских пришельцев», он так объяснял топоним «Ижория»: «Ижория <...> получила сие наименование от реки Ижоры, донныне так называемой, а прежде состояла под Новгородским общенародным правлением, а не Варяго-Русским, т. е. Финским или Свейским. Почему вопрошаю г. г. Скандинавских любословов, к какому государству она принадлежала? Ежели скажут к Российскому, т. е. Новгородскому; по названию Руси или России от Варягов-Руссов никак не происходит, но достовернее сами оное от России получили или присвоили себе по соседству и доброй воле, так как Поруссия, Боруссия или Пруссия служат живым тому примером и доказательством. И кто бы основательно ныне отважился производить Россию от Пруссии, как производят от Варягов-Руссов? Такие не есть любители отечества и истины» (с. 50).

В ряде случаев обнаруживалось пристрастие Мальгина к самым фантастическим этимологическим изысканиям, унаследованное им от отечественной науки XVIII в.⁹¹ Так, о происхождении названия Выдубицкого монастыря он писал, что «при крещении идола были повержены в Днепр, а жители кричали: „Выдыбай, выдыбай, наш государю боже!“, т. е. выплывай, выплывай, наш господи боже!» (с. 131). Следует отметить, впрочем, что по сравнению с открытиями его современников этимологические изыскания Мальгина производят все же более благоприятное впечатление. Достаточно вспомнить пресловутый труд С. В. Руссова⁹² или исследования первого профессора кафедры российской словесности Санкт-Петербургского университета Я. В. Толмачева, который возводил «республику» к «режь публшку», а «кабинет» — к «как бы нет», поясняя при этом, что первое вполне сообразуется с образом республиканского правления, а второе отражает возможность обозрения человека, удалившегося в кабинет, людьми, оставшимися снаружи, — «его как бы нет».⁹³ На этом фоне особенно примечателен отказ Мальгина от этимологизации

⁹¹ Об этимологических исследованиях в России той поры см.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. I (XIII век—1825 г.), с. 1077—1110.

⁹² Руссов С. В. Опыт о идолах, Владимиром в Киеве поставленных во время язычества. СПб., 1824.

⁹³ См.: Фортунатов Ф. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830—1833 годы. — Русский архив, 1869, № 2, стб. 329—330; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 73.

незнакомых ему слов; так, про «Китай» он написал: «Да и что самое сие слово значит, вразумить не могу» (с. 345).

Еще несколько десятилетий спустя славянофилы при помощи весьма сомнительных этимологических построений пытались доказать первородство славян, а также показать, что язык славянский является наиболее совершенным выразителем слова живого. Так, бывший в курсе всех достижений современного ему европейского языкознания Л. С. Хомяков, «усвоив себе все данные западной науки, сознал их односторонность»⁹⁴ и, мечтая об единении православной и англиканской церквей, пытался признать англичан за славян, для чего сближал этимологии «англичане» и «угличане».

Язык четвертого издания «Зеркала» не претерпел существенных изменений: в нем по-прежнему встречались изобретенные Мальгиным сложные слова типа «исконовечный» (с. 485), «достойноненавистный» (с. 76), «чиноповиновение» (с. 483), «областеначальство» (с. 579), «мудроправительство» (с. 95), «священнолепный» (с. 349), «градооборонитель» (с. 349) и т. п. Многие лексические новшества Мальгина ранее встречались в его других трудах: «прерватель» (с. 532), «прилепленец» (с. 502), «бытоведцы» (с. 546). Изобиловало «Зерцало» и архаизмами типа «урядство» (с. 483), «мерзить» (с. 429), «злокознство» (с. 483), относящимися к петровской эпохе. В новое издание «Зеркала» вошли и вызвавшие насмешки сочленов Мальгина по Российской Академии такие выражения, как «песытое сердце», «откровенный объяснитель», и ряд других, в том числе и удивлявшее критиков «гобзует и плоды приносит» (с. 564). Стилистическая правка состояла в замене «яко» на «как», «любопытник» на «любопытный», в слитном написании «попыше» против бывшего ранее раздельного, замене «Ингергерды» на «Ингряду» (с. 101) и замене «Святослава» на «Свѣтослава» (с. 197, 118 и др.); к последнему примеру добавим, что в имени «Святополк» изменений сделано не было. Пышность и многоречивость слога остались прежними. Так, одно предложение, содержащее рассказ о трагической участи Иоанна Антоновича и о злодейском умысле В. Я. Мировича с размышлениями автора, занимает чуть более двух страниц (с. 506—508)!

Четвертое издание «Зеркала» было ориентировано на иной возрастной читательский слой, о чем свидетельствует выпущенная фраза: «Сей же малый для малых детей предпринятый и предлагаемый труд прими, благосклонный читатель» (с. 48). Юношество составляло значительную часть читателей «Зеркала» — из просмотренных нами 34 экземпляров первых трех изданий 5 имеют надпись о получении данной книги в награду кадетами Морского (4) и Сухопутного кадетских корпусов.

⁹⁴ *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902, т. 1, кн. 1, с. 367.

По всей вероятности, на новое издание «Зерцала» проживающий в то время в крайней бедности Мальгин намеревался получить субсидию из сумм Кабинета его имп. величества — об этом свидетельствует вставка об Александре I как о «щедротном вновнике и сего издания Зерцала российских государей». Очевидно, ходатайство его увенчалось успехом: «О коль счастливым себя почитаю, — писал он, — что труд мой удостоен высочайшего внимания и благоволения великих Екатерины II, Павла I и Александра I, многими народами благославляемого» (с. 48).

Трудно сказать, в чьи руки после кончины Мальгина попала рукопись, на которой имеется лишь помета о том, что «читал сию книгу Константин Филипов Баранцов, 1857 году ноября месяца 24 дня» (с. 217); сведения о Баранцове обнаружить не удалось. Вероятно, к нему рукопись попала уже без начала и конца — отсутствие титульного листа побудило его уточнить название читаемого им труда: «Зерцало российских государей, содержащее в себе всех потомственных государей и князей великих российских» (с. 225). К Г. В. Юдину рукопись «Зерцала» попала, по-видимому, в 1870—1900-е годы, когда его коллекция стремительно впитывала самый разнообразный рукописный материал, стекавшийся в нее со всех концов России в эпоху пореформенного оскудения;⁹⁵ можно предположить, что она попала к нему среди фамильных бумаг неких Малгиных⁹⁶ — вероятно, потомков писателя. Юдинское собрание рукописей, за единичными исключениями, не разделило участи его книжного собрания, поступившего в 1907 г. в Славянский отдел Библиотеки Конгресса США, и оставалось с владельцем вплоть до его кончины в 1912 г. В 1920 г. оно поступило в центральное книгохранилище при Красноярском городском музее Приенисейского края, откуда в 1927 г. часть собрания (в том числе и четвертое издание «Зерцала») были переданы в дар Пушкинскому Дому.

Заканчивая краткое сообщение о последнем неосуществленном замысле Т. С. Мальгина, укажем на один ранее не отмеченный факт: почтенный историк имел ученика и подражателя — им был плодовитый плагиатор начала XIX в. Ефрем Филиповский, который, составляя пояснительный текст к гравюрам знаменитого «Пантеона российских государей» П. П. Бекетова,⁹⁷ почти

⁹⁵ Из весьма обширной литературы о собрании Юдина укажем лишь две заслуживающие внимания обстоятельные статьи: Преображенский А. А. 1) Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края: (Краткий обзор). — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 267—292; 2) Из истории библиотеки Г. В. Юдина в Красноярске. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 221—232.

⁹⁶ См.: Симоны П. К. Краткий указатель архивам разных лиц и учреждений, собранным с 1894 по 1906 г. Г. В. Юдиным. СПб., 1907, с. 109, № 3044—3048.

⁹⁷ Полное название: «Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей российских, царей, императоров

полностью переписал третье издание «Зеркала» Мальгина (доложно пересказав даже рассказ о водружении Андреем Первозванным креста в Грузию!), некритически отнесясь при этом ко всем домыслам и построениям автора и ничем не сдерживая собственной фантазии, превзошедшей все «мудрорассуждения» своего учителя. Издание П. П. Бекетова было позднее повторено в сокращенном виде А. Семенов («Отечественный пантеон, или Жизнь великих князей, царей и императоров, с 64 картинами», ч. 1—3. М., 1850). Так, плагиаторством Филиповского был закреплен успех «Зеркала» в читательской среде, а успех этот был значителен — в круг чтения русской провинции «Зерцало» входило до конца XIX в.⁹⁸

и их пресветлейших супруг и детей; их правления, силы и славы, различных войн и междуусобных раздоров до введения монархического самодержавия, бунтов и проч. от Р. X. с 862 года до ныне благополучно царствующего великого государя императора Александра I, самодержца всероссийского, с достопамятными примечаниями о высоком их родословии, союзах, потомствах и времени жизни, царствования, кончины и места погребения. С изображением гравированных их портретов. Изданием и трудами, из разных достоверных бытописателей и манускриптов собранное и в свет изданное для пользы российского благородного юношества кол. сов. Еф. Филиповским», ч. 1—3 (М.: В тип. Платона Бекетова, 1805—1810). Описание данного крайне редкого и ценного издания см.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии... / Редакция, примечания, дополнения и указатели В. Н. Рогожина. СПб., 1905, ч. IV, с. 81, № 8075; *Верещагин В. А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720—1870): Библиографический опыт. СПб., 1898, с. 258—259, № 916; *Верещагин В. А., Синягин Н. К., Тевляшов Е. Н.* Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий. СПб., 1910, вып. 4, с. 51—52, № 824 (описано издание А. Семенова).

⁹⁸ *Дрובה Н. П.* Каталог русских книг гражданской печати XVIII века Череповецкого краеведческого музея. Череповец, 1980, с. 50.